

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВНИН

Беченелелел

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОВЕТСКОГО ПЕЧАТНИКА

1955

Василий Михайлович Головнин
Описание примечательных
кораблекрушений,
претерпенных русскими
мореплавателями

OCR, правка: Андрей Мятлишкин (amyatishkin@mail.ru)
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160913

*Головнин В. М. Сочинения: Издательство Главсевморпути; Москва-
Ленинград; 1949*

Аннотация

Описание примечательных кораблекрушений, претерпенных русскими мореплавателями.

Собрано и пополнено примечаниями и пояснениями флота капитаном-командором Головниным.

Содержание

Гибель 74-пушечного корабля «Принц Густав»[1] (под начальством капитана Трескина и под флагом контр-адмирала Карцова) у норвежских берегов 4 ноября 1798 года	5
Бедственное и крайне опасное положение корабля «Ретвизан»[13] (под начальством капитана Грейга), на мели при входе в порт Гелдер, что у острова Текселя, в августе 1799 года	13
Крушение Российско-Американской компании судна «Святой Николай» (под начальством штурмана Булыгина) при северо-западных берегах америки в широте около 47 1/2 град., у острова, названного Ванкувером Destruction Island (Пагубный остров), 1 ноября 1808 года	25
Крушение военного брига «Диспач» (под начальством капитан-лейтенанта Касливцова) у берегов острова Рюгена в ночь с 5 на 6 октября 1805 года	63
Крушение корвета «Флора» (под начальством капитан – лейтенанта Кологривова), погибшего в ночь на 28 января 1807 года в Средиземном море у берегов албанских	71

Гибель Российско-Американской компании корабля «Нева»[114] на северо-западном берегу Америки, у мыса Эджкома[115], в широте 57°11' 9 января 1813 года	91
Гибель императорского фрегата «Поллюкс» (под начальством капитан-лейтенанта Тротскевича) близ острова Унаса 25 октября 1809 года	103
Крушение 74-пушечного корабля «Тольская Богородица» на Черном море у берегов Мингрелии, при устье реки Копи, 8 декабря 1804 года	110
Крушение военного брига «Фальк», погибшего у Толбухина маяка, в семи верстах от Кронштадта 20 октября 1818 года	113
Разбитие военного корабля «Вячеслав» у берегов Швеции в 1771 году. (соч. А. С. Шишкова)	123

**Василий Михайлович
Головнин**

**Описание примечательных
кораблекрушений,
претерпенных русскими
мореплавателями**

**Гибель 74-пушечного корабля
«Принц Густав»¹ (под начальством
капитана Трескина и под
флагом контр-адмирала
Карцова) у норвежских
берегов 4 ноября 1798 года**

Император Павел I, желая усилить морское свое ополче-

¹ Этот корабль знаменит в истории русского флота: в 1788 году на нем был взят в плен шведский вице-адмирал Вахмейстер в сражении, происходившем между двумя флотами.

ние, в союзе с англичанами против общих врагов действовавшее, повелел в) 1798 году отправить в Англию еще одну эскадру, долженствовавшую там вступить под начальство вице-адмирала Макарова. Эскадра сия состояла из пяти кораблей я одного фрегата и была вверена начальству контр-адмирала Карцова.

21 августа 1798 года контр-адмирал, подняв свой флаг на корабле «Принц Густав», отправился со всей эскадрой в путь с ревальского рейда и 12 сентября стал на якорь в Гельсиноре². Здесь для получения лоцманов и исправления разных других надобностей эскадра простояла пять дней, а 17-го числа при ровном юго-восточном ветре снялась с якоря и менее чем сутки прошла Каттегатом: 18-го числа, в 4 часа пополудни, она находилась уже севернее мыса Скагена³; но на этом месте, казалось, судьба изрекла: «Здесь предел, его же не преjdeши». Благополучное плавание эскадры кончилось: ветер постепенно стал усиливаться, а в 9-м часу вечера нашел от W прежестокый порыв и покрыл корабли такой пасмурностью, что, невзирая на близкое между ними расстояние, они друг друга не могли видеть. За порывом последовала с той же стороны ужасная буря, которая вскоре заставила корабли закрепить марсели.

19-го числа буря свирепствовала с прежней жестокостью

² Гельсинор, часто Эльсинор, правильно Хельсингёр, см. примечание 28 на стр. 117.

³ Мыс Скаген – см. прим. 33 на стр. 117.

и произвела такое сильное волнение, что на корабле «Принц Густав» повредился бушприт и гальюн⁴, а сверх того, в носовой части и около грузовой ватерлинии открылась течь, и вода прибывала по 10 дюймов в час. Положение адмирала было весьма неприятное, но еще более беспокоился он об участии других судов эскадры, ибо на сигналы его «показать свои места» не отвечал никто.

На другой же день, когда пасмурность уменьшилась, показались под ветром два корабля и фрегат, к которым он тотчас и спустился; но нашедшая снова густая мрачность скрыла их вновь.

Около полуночи на 21-е число ветер, не переменаясь в жестокости, переменился в направлении и сделался от севера, попутный в Англию. Тогда адмирал велел править на W и в то же время сигналом приказал кораблям показать свои места; нашлось, что с ним были корабль «София-Магдалина» и фрегат, а «Изяслав» и по рассвете не показался.

22-го числа буря смягчилась и, потом, утихая понемногу, уступила место штилю.

Капитан Трескин по внимательном осмотре корабля нашел, что в носовой части под баргоутом⁵ на обеих сторонах в настоящей обшивке выбило конопать на 4 сажени в длину; также была выбита или выжата пенька у двух баргоутных

⁴ Бушприт – см. примечание 4 на стр. 116. Гальюн – надводная носовая часть корабля.

⁵ Баргоут – см. примечание 88 на стр. 119.

досок в шпунтах подле форштевня⁶. Все это тотчас законопатели, а гальюн и бушприт укрепили найтовыми⁷. Между тем течь прежде была по 10, а когда стихло, по 6 дюймов в час. После тишины настал опять противный ветер, который потом усилился и 24-го числа начал снова вредить эскадре и умножать течь в кораблях. Адмирал, приблизившись к берегам, взял лоцманов и вошел в залив Мандель⁸ вместе с кораблем «София-Магдалина» и фрегатом.

Хорошо от всех ветров закрытый, безопасный порт доставил эскадре случай исправить свои повреждения. После сих поправок корабль стал течь только по 2 дюйма в час.

Начальник эскадры при первом удобном случае вышел из залива с судами, при нем бывшими, но едва успел удалиться от него на несколько миль, как опять встретили его противные крепкие ветры и тотчас причинили кораблям новые повреждения. Адмирал рассудил вторично зайти в безопасную гавань. На сей раз убежищем ему послужил норвежский порт Эквог, в котором крепкие ветры с южной стороны продержали его почти целый месяц, и он вышел не прежде 28 октября; «София-Магдалина» и фрегат ему сопутствовали.

Ветер был попутный, эскадра правила к Англии и 20-

⁶ Шпунты – затычка. Форштевень – бревно, служащее основой носу корабля.

⁷ Найтов – скрепа веревкой.

⁸ Залив Мандель (Мандаль), на южном берегу Норвегии, у 58° северной широты.

го числа находилась уже на Доггер-банке⁹. В то время ветер стал дуть порывами и часто переменялся, а на другой день, утвердись на румбе WNW, начал усиливаться; тогда же огромная зыбь предзнаменовала бурю, которая со всей яростью настала в 3-м часу пополудни. Ужасный сей шторм повлек с собою дождь и пасмурность, и адмирал потерял из виду свою эскадру. «Принц Густав», кроме нижних, не мог нести никаких других парусов и вскоре от чрезвычайной качки и многих повреждений получил столь сильную течь, что экипаж, действуя всеми помпами, едва мог отливать воду.

Капитан Трескин, свидетельствуя все части корабля, вскоре нашел, что в носу концы обшивных досок, вышедши из шпунтов, оставляли воде свободный проход, которым она лилась с таким стремлением, что даже слышно было ее журчание. Это крайне опасное положение корабля угрожало всему экипажу неизбежной гибелью; оставалась некоторая надежда на помпы, но и та скоро исчезла, ибо звенья цепей от беспрестанного действия начали ломаться.

Капитан и офицеры, не теряя нимало присутствия духа, прилагали неусыпное старанье содержать помпы в исправности и ломаные звенья немедленно заменяли новыми; но, несмотря на то, воды в трюме час от часа становилось более, а в 5 часов вечера поднялась она уже выше 4 футов. Такая

⁹ Доггер-банка – мель в Северном море; одно из величайших в мире рыболовных угодий.

пагубная течь возлагала на адмирала обязанность принять нужные меры для спасения экипажа. Употребив все способы, какие только опытность и совершенное знание морского искусства могли изобрести для отвращения течи, и не получив от них никакого успеха, адмирал прибегнул к последнему средству: приказал спуститься от ветра и править к мысу Фланборгед¹⁰, чтоб укрыться в гавани.

31 октября ветер дул уже умеренно. В 3 часа пополудни с корабля «Принц Густав» увидели трехмачтовое судно: адмирал тотчас к нему спустился и вскоре после того, к неизъяснимой радости всего экипажа, открылось, что это был корабль «Изяслав», которому тогда же сигналом велено было «держаться близ адмиральского корабля»: большая течь в последнем требовала этой осторожности. Ветер между тем начал утихать и 1 ноября сделался совсем тихим, но течь в корабле нисколько не уменьшалась. Капитан Трескин, беспрестанно осматривая все части, нашел и донес адмиралу, что, кроме прежней течи, открылась еще другая с обеих сторон в подводной части и столь опасная, что в трюме даже слышно, как бежит вода. Адмирал, желая испытать все возможные средства для спасения корабля, дал приказание подвести под него паруса, «нашпигованные» пенькой, которые во всяком другом случае могли бы совершенно соответствовать своей цели, но теперь большой зыбью корабль качало

¹⁰ Мыс Фланборгед (Flamborough Head) – мыс на восточном берегу Великобритании, против Доггер-банк.

так сильно, что их тотчас изорвало. К несчастью, и помпы от беспрестанного действия начали чаще портиться, и запасных материалов для починки их почти совсем не осталось. Итак, для спасения корабля предстояло только одно средство: войти скорее в порт, но противные тихие ветры и течения от берегов препятствовали этому. На другой день во все сутки экипаж занимался беспрестанным отливанием воды, а 3-го числа корабль находился в небольшом расстоянии от местечка Дроммель¹¹ на норвежском берегу, а для призыва лоцманов палил временно из пушек, но никто к нему не приехал.

4 ноября корабль находился также вблизи берегов и пушечными выстрелами требовал помощи, но тщетно. Между тем положение его становилось ежеминутно отчаяннее: вода, можно сказать, уже не прибывала в корабль, а лилась в него, ибо течь дошла почти до 10 футов в час; все помпы испортились; люди от беспрестанной и продолжительной работы потеряли силы; словом, не оставалось никаких способов отливать воду, следовательно и средств спасти корабль.

На сей конец был призван сигналом на адмиральский корабль командир корабля «Изяслав». Тогда, собрав всех офицеров, адмирал составил совет, в котором единогласно признано было, что для спасения экипажа не остается другого средства, как оставить корабль «Принц Густав» и переехать на «Изяслав». В полдень спустили на воду с обоих кораблей

¹¹ Дроммель (Драммен) – город к юго-западу от Христиании (Осло).

все гребные суда и начали перевозить людей, при сем случае, к чести офицеров, должно сказать, никто не помышлял о своем имуществе: они; следовали примеру бескорыстного и великодушного своего адмирала. В 6-м часу вечера капитан Трескин последним оставил утопающий корабль свой, в котором тогда было 12 футов воды. Вскоре после того ветер повеял от севера и дул тихо. «Изяслав», по приказанию адмирала, во всю ночь держался подле оставленного корабля, который в 9-м часу скрылся в темноте, а поутру его уже не видали: во время ночи он, без всякого сомнения, погрузился в морскую бездну.

5-го числа сделался опять прекрепкий ветер от северо-востока.

Пользуясь попутным ветром, адмирал приказал править к берегам Англии и вскоре прибыл на ярмутский рейд¹², где и вступил под начальство главнокомандующего русской вспомогательной эскадры вице-адмирала Макарова.

¹² Ярмут – рыбачий порт на восточном берегу Англии.

Бедственное и крайне опасное положение корабля «Ретвизан»¹³ (под начальством капитана Грейга), на мели при входе в порт Гелдер, что у острова Тексея, в августе 1799 года

В августе 1799 года английский флот, вспомоществуемый союзной ему нашей эскадрой¹⁴, высадил войска на голландские берега, между местечками Киндоуном и Кампердоуном, и овладел укреплениями мыса Гелдера¹⁵. На рейде пред сим мысом находилась тогда голландская эскадра, состоявшая из восьми линейных кораблей, трех фрегатов и одного шлюпа. Чтоб взять эту эскадру, надлежало атаковать ее морской силой. Исполнение сего предприятия было возложено на вице-адмирала Митчеля, которому для того поручено было в начальство восемь английских линейных ко-

¹³ Шведский корабль, взятый в 1790 году на погоне фрегатом «Венус», под начальством капитана (впоследствии адмирала) Кроуна.

¹⁴ В 1799 году Англия вместе с Россией воевала против революционной Франции, оккупировавшей Нидерланды, провозглашенные Батавской республикой.

¹⁵ Гелдер (Helder) – мыс у входа в Зюдерзее, в Голландии, к югу от острова Тексель.

раблей; главнокомандующий всего ополчения адмирал Дункен предписал командующему союзной эскадрой вице-адмиралу Макарову назначить из оной два корабля для содействия англичанам. Вице-адмирал избрал корабли «Ретвизан» и «Мстислав», под начальством капитана Грейга и Моллера, которые тотчас вступили под команду вице-адмирала Митчеля.

19 августа был день, назначенный вице-адмиралом Митчелем для нападения на неприятеля, и союзная эскадра в 5 часов утра, при попутном ветре и течении, пошла так называемым большим проходом к острову Текселю¹⁶. Но как в этом проходе голландцами сняты были все баканы¹⁷ и направление течений между мелями англичанам неизвестно, то путь сей подвергал эскадру большой опасности. Передовым кораблем в боевой линии был «Глатон», который при одном изгибе прохода коснулся мели, но, по малому своему углублению, прочертил только по ней килем и избежал опасности, а корабль «Ретвизан», второй по линии, шедший непосредственно за «Глапхшом», будучи грузнее его, стал плотно на мель; прочие же корабли, увидев опасность, легко могли уже миновать ее, вышедши на настоящий фарватер, кроме корабля «Америка» и фрегата «Латон», которые по-

¹⁶ Остров Тексель – один из Западных Фризских островов, отделяющих залив Зейдерзе от Северного моря. Расположен у 53° северной широты, против мыса Гелдер.

¹⁷ Баканы – пловучие навигационные знаки, см. прим. 23 на стр. 117.

близости «Ретвизана» также стали на мель.

В следующую ночь ветер усилился, и «Ретвизан» находился на краю гибели. И я к тому утвердительно¹⁹ могу при-
совокупить, что корабль «Ретвизан» обязан своим спасени-
ем присутствию духа и искусству своего начальника, твер-
дости и непоколебимому усердию офицеров, расторопно-
сти нижних чинов и вообще редкому порядку и дисципли-
не, существовавших на сем корабле во всю кампанию. При
сем случае особенно содействовали капитану Грейгу и от-
личились: капитан-лейтенант Быченский, первый лейтенант
Миницкий, и лейтенант Хвостов²⁰. Бедственное положение
«Ретвизана» описано уже красноречивым пером знамени-
того нашего историографа флотов¹⁸, притом с такой справед-
ливостью, что мне остается только поместить здесь описание
его почти от слова до слова:

«Двукратное стояние на мели корабля «Ретвизан», и наи-
паче в этот второй раз, было столь бедственно, что весьма
любопытно знать о подробностях сего несчастного происше-

¹⁹ Я тогда находился флаг-офицером при вице-адмирале Макарове, следова-
тельно имел случай знать состояние каждого корабля, бывшего в вспомога-
тельной эскадре; а будучи употребляем к переводам и в сношениях главнокоманду-
ющего с английскими адмиралами, я знал также хорошо и их мнение о каждом
из наших кораблей и капитанов.

²⁰ Николай Александрович Хвостов, известный по «Двукратному путешествию
морских офицеров в Америку».

¹⁸ «Знаменитый наш историограф флотов» – Шишков Александр Семенович
(1754 – 1841) (Собрание морских журналов, т. 2, стр. 108).

ствия.

По занятии сухопутными войсками всех на Гельдере береговых укреплений вице-адмирал Митчель накануне снятия своего с якоря, получа, как мы уже то видели, на все корабли свои лоцманов, рано поутру вступил под паруса и направил путь свой к NNO. Корабль «Ретвизан» в линии был вторым и шел за «Глатоном». Вскоре по вступлении их под паруса на корабле вице-адмирала Митчеля сделан был сигнал «приготовиться к сражению». В 6 часов утра проходили они между мелями, имея при свежем ветре довольно скорый ход. Капитан корабля «Ретвизан», все офицеры и лоцман находились тогда на шканцах. Капитан, почувствовав вдруг прикосновение корабля к мели, закричал: «Руль на борт!». Но едва успел он произнести сии слова, как уже корабль стукнулся и сел плотно на мель. Тогда было время прилива и вода шла еще на прибыль. Тотчас начали крепить паруса, завозить верп²¹ и сигналами требовать помощи.

Немедленно присланы были к ним два шлюпа, именуемые «Барбет» и «Дарт»; но как в то же время один из задних английских кораблей, а именно «Америка», стал также на мель, то шлюп «Дарт» пошел на помощь к нему, а «Барбет» неподалеку от них лег на якорь. Завезли на него два кабельтова²², из коих один на шлюпе, а другой на корабле положи-

²¹ Верп, малый якорь (завоз), двулапый или четырехлапый.

²² Кабельтов. Здесь – канат, на котором бросается якорь.

ли на шпиль²³. Тогда уже было 8 часов; начали общими силами вертеть как сии кабельтовы, так равно и кабельтов завезенного верпа; корабль тронулся с места и стал понемногу двигаться, но вдруг на шлюпе, подумав, что он сошел уже с мели, и опасаясь сближения с ним, тем паче, что и шлюп несколько к нему дрейфовало, перестали вертеть шпиль и отдали кабельтов.

Корабль остановился. Надлежало употребить новые силы и средства для вторичного покушения стягивать оный, но, по несчастью, это было уже поздно; ибо, во-первых, завезенный верп, частию от того, что полз по дну моря, частию же от движения к нему корабля, находился в близком от него расстоянии; во-вторых, вода, достигнув уже до высочайшего предела своего, начинала сбывать. И так должно было, оставя надежду снятия корабля с мели до будущего прилива, помышлять о том, чтоб во время малой воды не повалило его на бок».

Да позволено мне будет прервать на время сие описание, дабы сказать, сколь приключение сие при таковых обстоятельствах долженствовало быть горестно для находившихся на сем корабле офицеров: не столько опасность жизни, сколько соревнование к славе их беспокоило. Я не могу лучше и справедливее изобразить чувств их, как поместив здесь точные слова, взятые мною из писанных в сие самое время

²³ Шпиль – стоячий ворот на судне для подъема или спуска якоря, для подтягивания судна и т. п.

одним офицером²⁴ черновых записок, которые нечаянно попались мне в руки.

«Состояние наше, – пишет он, – весьма несносно: все корабли проходят мимо нас, а мы стоим на мели и служим им вместо бакена. Вся наша надежда быть в сражении и участвовать во взятии голландского флота исчезла. В крайнем огорчении своем мы все злили на лоцмана и осыпали его укоридами, но он и так уже был как полумертвый. Английский корабль «Америка» стал на мель; это принесло нам некоторое утешение. Хотя и не должно радоваться чужой напасти, но многие причины нас к тому побуждают: по крайней мере, англичане не скажут, что один русский корабль стал на мель, и, может быть, Митчель без двух кораблей не решится дать баталии, а мы между тем снимемся и поспеем разделить с ними славу»²⁵²⁶.

Таковы были чувства их, и они тем более надеялись на отложение, до снятия их, атаки, что когда все прошли мимо них и передовой корабль «Глатон» подходил к голланд-

²⁴ Лейтенантом Хвостовым.

²⁵ Принц Оранский – низвергнутый в 1795 году после провозглашения Батавской республики наследственный правитель Нидерландов.

²⁶ Впоследствии оказалось, что насчет славы забота офицеров корабля «Ретвизан» была напрасна, ибо начальник голландской эскадры контр-адмирал Стори принужден был отдать ее англичанам, не сделав ни одного выстрела, потому что, кроме его самого и офицеров, все служители целой эскадры признали единодушно прежнее правительство и не хотели сражаться против союзников принца Оранского.

скому флоту, вице-адмирал Митчель сделал ему сигнал: «не итти далее»; и как он, невзирая на то, продолжал еще путь свой, то вице-адмирал, при поднятии вымпела его, повторил ему оный с пушечным выстрелом, после чего «Глатон» лег на якорь и весь флот сделал то же. Но обратимся к кораблю «Ретвизан».

Предупреждая отлив моря и опасаясь, как выше сказано, чтоб при сбытии воды не повалило корабль на бок, принуждены они были с обеих сторон его спускать за борт запасные стеньги и реи, привязывая к нижним концам их по несколько чугунных баластин, а верхние концы оных упирая в порты нижнего дека и снайтовливая²⁷ оные между собою так, чтоб эти деревья могли служить подпорами кораблю, не допуская его при обмелении ложиться на бок. Многотрудная работа сия продолжалась до 2 часов после полудня. В это время, ожидая прибывания воды и не надеясь на прежние свои к стягиванию средства, велели они на случившуюся у них по счастью лодку положить якорь плехт с канатом и, сделав завоз, стали по нем тянуться. Употребили все свои силы: люди для способнейшего действия сняли с себя платье и в одних рубашках вертели шпиль; все измучились, но стянуть не могли; корабль подвинулся на один только кабельтов. Глубины воды было вокруг его с лишком 3 сажени.

Между тем ветер, постепенно прибавляясь, развел великое волнение, и корабль било о грунт с такой силой, что едва

²⁷ Снайтовливать – скреплять веревкой.

можно было стоять на ногах. Капитан созвал всех офицеров и сделал «консилиум». Сначала полагали срубить мачты, но рассудили оставить это до нужнейшего времени. В 5-м часу оторвало от корабля одно из гребных судов, на котором было три человека. Приключение это могло бы в другое время произвести сожаление о сих несчастных, но в это время невозможность спасти их и собственная своя опасность не позволяли никому о том думать.

Вскоре потом шлюп «Барбет» по-дрейфовало; он распустил паруса и ушел. В то же почти время сорвало с якоря лоцманскую лодку, на коей было пятнадцать матросов с мичманом Александровым, и тотчас унесло в Тексель. В 6-м часу принуждены были спустить стеньги и реи вниз, производя беспрестанную из пушек пальбу в знак требования помощи. В 7-м часу прислано к ним было одно десантное судно, которое никакого пособия подать было не в состоянии, кроме, в случае крайности, могло спасти несколько человек. Они взяли его багштов²⁸. Между тем время приближалось уже к 8 часам вечера, и вода начала убывать. Надлежало брать предосторожности, прибавляя новые и укрепляя прежние подпоры, дабы корабль не повалило на бок. Наконец, не оставалось ничего делать. Дали людям выпить по чарке вина и съесть по сухарю. Праздность еще более умножала уныние.

Горизонт, отъемля остаток света, начал покрываться угрюмыми облаками и черными тучами. В 10 часов налетел

²⁸ Багштов (бакштов) – буксирный канат.

порывистый шквал, который свирепость прежнего ветра более усилил. Вскоре волнение сделалось подобно превеликим белеющим в мрачности горам, нападающим на корабль с ужасной лютостью. Совершенная темнота ночи, визг ветра, рев бурунов, беспрестанная пушечная пальба, слышимая от претерпевающих подобное же бедствие английских судов, и притом удары корабля о землю, потрясавшие все его члены и от которых, казалось, раздробляется он на части, удобны были самый твердый дух привести в трепет и содрогание. Скоро появилась в нем течь; люди, не отходя от помп, едва могли отливаться. В 11 часов стоящее на багштове десантное судно залило и поворотило вверх дном, для чего принуждены были отрубить багштов.

Наступила полночь и час пополуночи. Вода стала убывать. Тогда положение сделалось еще худшим. Валы, приподнимая корабль высоко и разверзаясь под ним, с такой силой опускали его вниз, что при жестоких о неровный грунт ударах не только все члены его расходились, но и палубы гнуло так, что ожидали ежечасного преломления корабля и что, может быть, корма его останется на мели, а нос, оторвав, унесет в море. В сем гибельном состоянии, ожидая ежеминутно конца и не видя никакого к спасению средства, прибегнули, однакож, они еще к некоторому опыту: велели отдать канат в той надежде, что, может быть, корабль подвинется и станет плотнее; через это удары его хоть несколько уменьшатся и можно будет получить надежду, что, по крайней мере, до

рассвета его не разобьет. Отдали канат до 150 сажен: корабль немного подвинулся, но тотчас остановился, и состояние его нимало не облегчилось.

В 3 часа разрушение его, казалось, уже было неминуемо: палубы начали трещать, пол в констапельской каюте²⁹ при подняло, румпель³⁰ переломился, руль и тиллер-транец³¹ повредило. В половине четвертого часа ужас их еще более увеличился: они в темноте увидели влекомый по мелям сближающийся с ними корабль «Америка», который, как думать надлежало, был не в лучшем их состоянии. В это время отчаяние у них было всеобщее: никто уже не помышлял о своем спасении; везде было единое приготовление к смерти; люди стояли все на коленях и с горестными слезами приносили теплые и последние к всевышнему молитвы. Капитан, видя, что не остается уже никаких к спасению корабля и людей способов, посоветовавшись с офицерами, решился, если не к лучшему, то, по крайней мере, к скорейшему концу, переменить безнадежное положение свое и предать себя на произвол судьбе, для чего приказал отрубить канат и распустить стаксели³².

Паруса наполнились, корабль двинулся и пошел, стуча о

²⁹ Констапель – морской артиллерийский офицер (прапорщик морской артиллерии).

³⁰ Румпель – рычаг для управления корабельным рулем.

³¹ Тиллер-транец. Tiller (англ.) – румпель. Транец – оборудование на корабельной корме.

³² Стаксель – треугольный косой парус.

землю. Ужасна была его неподвижность, но движение его было еще ужаснее: громада эта, лишенная руля, став совершенным игральщиком свирепого ветра и волнения, шествует, без всякого управления, по мелям, влача с собою подставы свои и раздирая килем своим дно моря; толстые обшивные доски отрываются от нее и позади ее всплывают вверх; казалось, что сильное трение и удары в скорости обнажат ее до самых ребер и наполнят водой, но кто вообразит себе радость их, когда они вдруг почувствовали, что корабль их сошел на глубину и имеет под собою 11 сажен воды!

Тотчас бросили якорь. Тогда начинало уже рассветать. Немедленно приступили к исправлению всего того, что могли, и капитан, видя, что вице-адмирал Митчель стоит еще на якоре, и думая, что он, по причине уменьшения двумя кораблями линии своей, не вступает в сражение, тот же час, невзирая на чрезмерное корабля своего повреждение и на великое, после столь страшного бедствования, сил своих истощение, послал к нему рапорт, что он снялся с мели и вскоре место свое в линии заступит и бой начать готов. Через краткое время, в самом деле, был уже он в своем месте³³.

³³ Это происшествие с кораблем «Ретвизан» напомнило мне те счастливые для русского флота времена, в которые оно случилось. Кто бы мог поверить, чтобы люди, взятые на морскую службу большей частью от сохи и посланные с берегов какой-нибудь речки, озера, лужи по волнам свирепого океана, в несколько месяцев сравнялись с английскими матросами и даже часто в маневрах превосходили их! Я не говорю уже о тех кораблях, где прилагается было особенно старание довести их до совершенства, но даже и у капитанов, не слишком много обращавших внимание на сей предмет, экипажи ничем не хуже управлялись с

кораблями. Отчего же это происходило? От охоты, с какой тогда все служили на кораблях. В сей эскадре все, от главнокомандующего адмирала до последнего матроса, были совершенно довольны своим состоянием. Капитаны и офицеры гордились своей службой и порядком и дисциплиной своих кораблей. Охота к службе до того простиралась, что некоторые из капитанов много неположенных по штату вещей делали на свой счет. Когда бывало, чужой корабль снимался с якоря, ложился на якорь или делал какой-либо маневр, офицеры оставляли обед и всякое дело и выбегали с зрительными трубами наверх, чтоб только видеть, замечать, перенимать, как что делается; нижние чины снимали с них пример. Словом, во всех было какое-то особенное благородное честолюбие превзойти друг друга в познании своей должности и искусства по службе. Мне кажется, если не ошибаюсь, судя по собственным моим чувствам, что для усовершенствования какой-либо части не столько нужны деньги, предписания и даже самые планы и проекты, как искусство вселять к ней охоту: так сказать, облагораживать часть, чтоб занимающиеся ею гордились, а не краснели, что принадлежат к ней, и отправляли свою должность точно из чести и для чести.

**Крушение Российско-
Американской компании
судна «Святой Николай» (под
начальством штурмана
Булыгина) при северо-западных
берегах америки в широте
около 47 1/2 град., у острова,
названного Ванкувером
Destruction Island (Пагубный
остров), 1 ноября 1808 года**

В бытность мою (1810) в Америке получил я от компанейского правителя, коллежского советника Баранова³⁴, журнал, в коем описано это кораблекрушение одним из приказчиков компании, находившимся на погибшем судне. Приказчик сей, Тимофей Тараканов³⁵, разумел изрядно морепла-

³⁴ Баранов, Александр Андреевич – см. примечание 159 к «Путешествию на «Камчатке» (стр. 444).

³⁵ Тараканов, Тимофей – приказчик Российско-Американской компании. Позднее был на тюленьих промыслах в заливе Сан-Франциско; затем три года прожил на Гавайских островах.

вание и был, как говорится, мужик смысленный и прямой, но малограмотный, и потому для уразумения его журнала я должен был несколько раз призывать его и других бывших с ним промышленников для изъяснения мест темных и непонятных. Повествование их весьма любопытно и хотя при самом кораблекрушении не было показано никакого искусства и твердости, которые могли бы служить примером и были достойны подражания, но впоследствии русские показали свой дух и характер с самой выгодной стороны. Замечания их о диких северо-западного берега Америки также весьма занимательны и тем более, что народ сей еще очень мало известен географам.

По сим причинам, в надежде угодить просвещенным читателям, я решился приложить здесь, если можно так: сказать, в переводе весь журнал Тараканова, которого слог я переменял совсем, но все мысли и происшествия остались те же, без малейшей прибавки и без сокращения.

В сем описании повествователем я поставил самого Тараканова, который о себе везде говорит в первом лице.

«Компанейский бриг «Святой Николай», на коем я находился в звании суперкарга³⁶, состоял под начальством флотского штурмана (офицерского чина) Булыгина и был назначен с особыми поручениями от главного правителя колоний к берегам Нового Альбиона³⁷. 29 сентября 1808 года отпра-

³⁶ Суперкарг – см. примечание 104 к «Путешествию на «Камчатке» (стр. 442).

³⁷ Новый Альбион – участок западного (тихоокеанского) берега Северной Аме-

вились мы в путь, а около 10 октября подошли к мысу Жуан-де-Фука ³⁸, лежавшему в широте 48°22'. Тут безветрие продержало нас четверо суток, потом повеял легкий западный ветерок, с которым шли мы поблизости берегов к югу и, описывая оные, клали на карту и делали на них наши замечания. На ночь обыкновенно мы от берега несколько удалялись, а днем подходили к нему весьма близко, и в это время приезжало к нам много жителей на своих лодках, так что иногда число лодок у борта простиралось до нескольких десятков или даже до ста. Впрочем, они были не очень велики: редкие могли вместить человек десять, а в большей части находились по три и по четыре человека. Со всем тем, однакож, мы остерегались и никак не впускали на бриг в одно время более трех человек. Эта предосторожность казалась нам тем нужнее, что жители были вооружены. Многие из них имели даже ружья, а у других были стрелы, сделанные из оленьего рога, железные копья без древков и костяные рогатины, на длинных шестах насаженные; последние походили на наши сенные вилы. Сверх того, имели они особого рода оружие, сделанное из китовой кости наподобие косаря или турецкой сабли, длиной до полуаршина, шириной в два

рики в районе Сан-Франциско, открытый известным английским пиратом Дрейком в 1578 году, во время его кругосветного плаванья (второго, после Магеллановой экспедиции); назван так в честь Альбиона (Англии).

³⁸ Мыс Жуан (Хуан) де-Фука – у западного входа в одноименный пролив, отделяющий с юга остров Ванкувер от материка; на английских картах часто этот мыс называется Флеттери (Flattery).

с половиною дюйма, четверть дюйма в толщину и с обоих краев тупое. Сначала мы никак не могли догадаться, к чему могло бы служить такое оружие, но после узнали, что оно употребляется при ночных нападениях, столь обыкновенных между здешними народами: пробравшись в шалаши неприятельские, они бьют сими косарями сонных врагов своих по головам.

Жители привозили к нам на продажу морских бобров, олени кожи и рыбу. За большого палтуса я им платил по нитке в четверть аршина голубых корольков³⁹ и по пяти и по шести вершков такого же бисера; но за бобров не только корольков или бисера не хотели они брать, но даже отвергали с презрением китайку⁴⁰ и разные железные инструменты, а требовали сукна, какое они видели на камзолах наших промышленных; но как мы его не имели, то и торговля наша не состоялась.

Тихие ветры и благоприятная погода продолжались несколько дней, наконец, не припомню которого числа, около полуночи стал дуть ровный ветер, который к рассвету усилился до степени жестокой бури. Начальник брига приказал закрепить все паруса, кроме совсем зарифленного грота, под которым мы лежали в дрейфе. Буря с одинаковой силой свирепствовала трое суток. Потом перед рассветом вдруг утихла и наступила тишина; но зыбь была чрезвычайная, и туман

³⁹ Корольки – бусы.

⁴⁰ Китайка – простая хлопчатобумажная ткань.

покрыл нас совершенно. Вскоре по восхождении солнца туман исчез, и тогда показался нам берег не далее 3 миль от нас. Мы бросили лот: глубина 15 сажен. Тишина не позволяла удалиться от опасности под парусами, а зыбь мешала употребить буксир или весла; она же прижимала нас ближе и ближе к берегу, к которому, наконец, подвинула нас так близко, что мы простыми глазами весьма явственно могли видеть птиц, сидевших на камнях. Мы в это время находились, по нашему счислению, против бухты, именуемой жителями Клоукоты, южный мыс коей лежит в широте 49° и нескольких минут⁴¹. Американские корабли в тихие ветры часто заходят в сию бухту, но в бурю или при большом волнении такое покушение было бы сопряжено с крайней опасностью. Гибель брига казалась нам неизбежной, и мы ежеминутно ожидали смерти, доколе божьим милосердием не повеял северо-западный ветер, пособивший нам удалиться от берегов. Но ветер сей, поблагоприятствовав нам шесть часов, превратился в ужасную бурю и заставил лечь в дрейф, убрав все паруса. После того, как буря укротилась, ветры дули с разных сторон и с разной силой, а мы, пользуясь оными, подавались к югу.

29 октября при умеренном западном ветре, приблизились мы к берегу, и зашли на остров Дистракшин⁴², лежащий в

⁴¹ Около сей широты есть много заливов, и потому неизвестно, который из них жители называют Клоукоты.

⁴² Остров Дистракшин (Destruction) – островок к югу от мыса Флеттери, у бе-

широте 47°33', обойдя по южную его сторону. Но, к несчастью нашему, за островом не было удобного якорного места, и мы нашлись принужденными опять выйти в море. Едва успели мы удалиться от берега мили на три, вдруг сделалось тихо, и во всю ночь не было никакого ветра, отчего зыбью валило нас к берегу; а 31-го числа в 2 часа пополудни протащило мимо вышеупомянутого острова по северную его сторону и приблизило к каменной гряде, находившейся не далее одной мили от твердой земли.

Командир брига, штурман Булыгин, не зная, что предпринять, прибегнул к общему совету, вследствие коего стали мы держать мимо камней к самому берегу с намерением зайти за оные и, пройдя их, очутились в середине надводных и скрытых под водою рифов; тогда командир приказал положить якорь, а вскоре и другой; но они не могли задержать судна, которое, беспрестанно дрейфуя, приближалось к берегу. Когда брошены были остальные два якоря, оно остановилось, однакож не на долго, ибо вечером, когда стемнело, подорвало у нас два перетертых о камень каната, а около полуночи с третьим случилось то же, и вскоре потом поднялся свежий ветер от SO, которым подорвало последний канат. Теперь нам не оставалось другого средства спасти бриг и себя, как отважиться на выход в море между камнями. Тем путем, которым мы вошли, ветер не позволял идти, и так мы пустились, как говорится, куда глаза глядят, и, к общему на-

шему удивлению, невзирая на чрезвычайную темноту, прошли столь узким проходом, что, наверное, ни один мореплаватель и днем не осмелился бы итти оным. Но лишь успели миновать опасность, как переломился у нас фока-рей⁴³: положение наше не позволяло убрать паруса для починки рея, и мы принуждены были нести оный доколе было можно.

На рассвете ветер перешел прямо на берег. Фока-рея исправить мы не могли и запасного не имели, а без фока не было никакой возможности отлавировать от берега, к которому нас приближало весьма скоро, и, наконец, в 10-м часу утра 1 ноября бросило валом в буруны, а потом на берег в широте 47°56'.

Итак, участь брига решилась; надлежало помышлять о нашей собственной. Мало того, что мы сами могли спастись, нам должно было также спасти оружие, без которого не имели мы никаких средств сохранить свободу; а сделавшись пленными, должны были влачить в рабстве у диких жизнь, стократ ужаснейшую самой смерти.

Судно наше валяло бурунами с боку на бок страшным образом, и оно в полтрюма наполнилось уже водой; мы с оружием в руках выжидали время: когда находил большой вал, ударял в судно и, рассыпавшись, опять сливался с берегов, тогда мы бросались с борта и выбегали на берег за пределы воды; там принимали от своих товарищей, оставшихся на бригае, ружья и амуницию. К великому нашему счастью, слу-

⁴³ Фока-рей – рей на передней мачте.

чилось, что мы стали на мель при отливе и на мягком грунте; ибо хотя все члены судна расшатало и оно наполнилось водой, но уцелело и по сбытии воды осталось на суше.

Мы тотчас сняли с него пушки, порох и разные другие, нужные нам вещи; потом перечистили огнестрельное оружие и приготовили заряды, чтоб быть в состоянии отразить нападение диких, которых мы имели причину теперь страшиться более всего на свете. Наконец, поставили из парусов две палатки в расстоянии сажен семи одна от другой; меньшую из них Николай Исакович⁴⁴ и я назначили для себя. Сделав все это, развели большой огонь, обогрелись и обсушились.

Едва успели мы кончить эти первые наши занятия, как появилось множество здешних жителей, которые, усмотрев нас, тотчас к нам приблизились. Между тем штурман, взяв с собой четырех промышленников, отправился на бриг с намерением спустить стеньги и рей и снять с него верхнюю оснастку, чтоб при большой воде менее его валяло. В предосторожность они взяли с собой горящий фитиль, ибо на судне оставалось еще несколько пушек. Сам командир, стоя подле брига, распорядился работами, а мне приказал наблюдать за движениями и поступками диких. Около нашей ставки (или табора, как говорит Тараканов), в приличных местах поставили мы караул и часовых.

В нашей палатке сидела супруга Булыгина, Анна Петровна, один кадьякский алеут, женщина того же народа, я и

⁴⁴ Имя штурмана Булыгина.

двое из здешних жителей, вошедших к нам без приглашения. Один из них, молодой человек, называвший себя тоёном (старшиною), приглашал меня посмотреть на его жилище, отстоявшее недалеко от нас. Я согласился было с ним итти, но товарищи, мои, подозревая со стороны диких вероломство, меня удержали. Я старался всеми способами внушить сему старшине миролюбие и уговаривал его нас не обижать и не выводить из терпения. Он обещался поступать с нами по-дружески и вселить то же расположение к нам в своих единомыслителях. Между тем два раза уже приходили мне сказывать, что колюжи⁴⁵ растаскивают наши вещи. Я уговаривал своих людей сколько возможно стараться не начинать ссоры: «Снесите, братцы, – говорил я им, – поелику можно, а старайтесь как-нибудь отжить их от табора без ссоры»^{46,47}. В то же время представлял я тоёну о неблагонамеренных поступках его подчиненных и просил его приказать им оставить нас в покое; но как мы не очень хорошо понимали друг друга, то разговоры наши были весьма продолжительными, и пока я с ним рассуждал и вел переговоры, а там уже дело дошло и до расправы.

⁴⁵ Сим именем называется одно поколение жителей северо-западного берега Америки; имя это наши промышленники распространили и на все народы здешнего края.

⁴⁶ Слова в кавычках означают собственные слова Тараканова; я их иногда помещал для показания, что он хотя не умел писать, но умел дело делать.

⁴⁷ Колюжи (или колоши) – русское название индейцев Аляски – тлинкитов; см. примечание 165 к «Путешествию на «Камчатке» (стр. 444).

Наши стали гнать диких прочь от табора, а они начали в них бросать камнями. Анна Петровна первая увидела это и сказала мне: «В наших бросают камнями». В то же время промышленные открыли огонь по колюжам. Я бросился из палатки, но меня встретили копьём и ранили в грудь. Воротясь, схватил я ружьё и выбежал, увидел ранившего меня дикого: он стоял за палаткой и держал в левой руке копьё, а в правой камень, который так сильно бросил мне в голову, что я не мог на ногах устоять и присел на колоду; но, выстрелив, поверг врага моего мертвого на землю. Вскоре после того дикие ударились в бегство; при сем случае успели они и командира нашего ранить копьём в спину, а камнем в ухо. Впрочем, кроме четверых, бывших на судне, все до одного человека потерпели от камней более или менее. Из неприятелей же убито было трое, из коих одного они утащили, а сколько раненых – не знаю; в добычу нам досталось много оставленных на месте сражения копий, плащей, шляп, и пр.

На ночь одна смена заняла кругом табора караул, а прочие, собравшись в палатку, оплакивали горькую свою участь. Поутру ходили мы осматривать окружность и выбирали место, где можно было бы нам расположиться зимовать и обезопасить себя укреплениями. Но нашли, что берег здесь имел самое неблагоприятное намерение нашему положению и свойство: он был покрыт дремучим лесом и столь низок, что большими водами его заливало. Начальник, собрав всех нас, открыл нам свое намерение следующей речью: «Госпо-

да! По предписаниям, данным мне от главного правителя колоний, я знаю, что в непродолжительном времени должен притти к здешним берегам компанейский корабль «Кадьяк» и именно в гавань, отстоящую не далее шестидесяти пяти миль от места, где мы теперь находимся. Между сими двумя местами на карте не означено ни бухт, ни заливов и ни одной реки, а потому мы весьма скоро можем достигнуть помянутой гавани. Вы сами видите, что здесь, не подвергая себя очевидной и почти верной гибели, нам оставаться нет никакой возможности: дикие весьма легко могут истребить всех нас. Если же мы немедленно тронемся с места, то они останутся здесь грабить судно и делить поживу и, верно, за нами не погонятся, потому что не будут иметь в том никакой нужды». На это мы единогласно отвечали: «В воле вашей, мы из повиновения не выходим».

Итак, взяв с собою на каждого человека по два ружья и по одному пистолету, все патроны в сумках, три бочонка пороху и небольшое количество съестных припасов, выступили мы в поход. Что принадлежит до оставшегося оружия, то пушки мы заклепали, у ружей и пистолетов переломав замки, побросали их в воду; порох, копья, топоры и все железные вещи также бросили в море.

Поход наш начался переездом через реку на своем ялике; потом прошли мы лесом три мили и вечером за темнотою расположились ночевать; ночь провели очень покойно под охранением четырех часовых.

Поутру вышли мы из леса на морской берег, отдохнули и, перечистив оружие, пошли далее. Часу во втором пополудни догнали нас двое диких; один из них был тот самый старшина, который видел нас в палатке при начале ссоры. На вопрос, что им надобно, отвечали они, что пришли нарочно показать нам дорогу; ибо, идучи берегом, мы встретим много излучин и непроходимые утесы, но лесом есть хорошая, прямая дорога, которую они нам показали и советовали итти по ней, а сами хотели удалиться. Тогда я просил их подождать и посмотреть действие нашего оружия; потом, сделав на доске кружок, выстрелил в нее из винтовки в расстоянии сажен тридцати, попал в цель и пробил доску. Сим способом я желал им показать опасность, какой они подвергнутся, если вздумают нападать на нас. Дикие, посмотрев пробоину и измерив расстояние, оставили нас, а мы пошли далее своим путем и расположились ночевать в лесу под утесом, где случайно попалась нам на глаза пещера.

Ночью свирепствовала жестокая буря с дождем и снегом; поутру ветер утих, но дурная погода продолжалась и заставила нас передневать в пещере. В течение дня падали с утеса подле нас камни; сначала мы никак не могли постигнуть сему причины; но после узнали, что неприятели наши, дикие, скатывали их на нас. Мы видели, как из них три человека пробежали мимо нас вперед по тому пути, по которому нам итти надлежало.

Следующего утра, при ясной, весьма хорошей погоде, от-

правились мы в дорогу и около полудня достигли небольшой, довольно глубокой речки, вдоль коей вверх была пробита тропинка, по которой пошли мы в надежде сыскать брод, и вечером подошли к одному большому шалашу. В нем не было ни одного человека, но висело много вяленой рыбы кижуч⁴⁸; подле разведен был огонь, а в реке против шалаша находился для рыбной ловли закол. Мы взяли тут двадцать пять сушеных рыб и повесили на дверях сажени три бисеру и несколько корольков, зная, что вещи эти у здешних диких в большом уважении. Учинив таким образом заочную за рыбу плату, отошли мы от шалаша в лес сажени на сто и расположились ночевать.

Когда поутру мы готовы были выступить, тогда увидели, что нас окружили дикие, вооруженные копьями, рогатинами и стрелами. Я пошел вперед и, не желая никого из них ни убить, ни ранить, выстрелил из ружья вверх. Гром выстрела и свист пули произвели желанное действие: колюжи, рассеявшись, спрятались между деревьями, а мы пошли в путь. Боже мой! Кто поверит, чтоб на лице земли мог существовать такой лютой, варварский народ, как тот, между которым мы теперь находились! Невзирая на то, что, кроме небольшого числа оружия, мы оставили сим диким наше судно со всем грузом, они ограбили его и сожгли и, не быв еще сим довольны, преследовали нас, чтоб лишить жизни, которая для них не могла быть ни вредна, ни опасна: казалось, что они зави-

⁴⁸ Кижуч – сим именем в Камчатке и Америке называется особый род лососей.

довали самому нашему существованию⁴⁹.

Таким образом до 7 ноября мы, можно сказать, отступали от диких, которые, преследуя нас, выжидали благоприятного случая сделать на нас решительное нападение; между тем временно производили над нами поиски. Но поутру сего числа встретили мы трех мужчин и одну женщину, которые, снабдив нас вяленой рыбой, начали поносить то поколение, от которого мы столько потерпели, и хвалить свое собственное. Люди сии последовали за нами, и мы все вместе, уже поздно вечером, пришли к устью небольшой реки, на другой стороне коей находилось их жилище, состоявшее из шести больших хижин. Мы просили у них лодок для переправы за реку; а они советовали нам подождать прилива, говоря, что в малую воду переезжать через реку неудобно и что с прибылою водой они перевезут нас ночью; но мы в темноте ехать с ними не согласились, а потому, отойдя назад около версты, переночевали.

Рано поутру, возвратясь к устью реки, требовали мы перевоза. Диких тогда сидело подле своих хижин около двухсот человек, они не отвечали нам ни слова. Подождав несколько минут, пошли мы вверх по реке, чтобы сыскать удобное место для переправы. Колюжи, увидев наше намерение, тотчас отправили к нам лодку с двумя нагими гребцами; лодка эта

⁴⁹ Тараканов судит по своим понятиям, думая, что все должно покоряться и раболепствовать перед европейцами, которых дикие считают грабителями, похищающими их собственность, и потому признают должным и справедливым умерщвлять их повсюду, где только есть случай.

могла поднять человек десять, и потому просили мы их прислать другую, чтоб нам всем можно было переехать вдруг. Дикие исполнили наше желание: прислали другую лодку, но такую, в которую никак не могло поместиться более четырех человек; в ней приехала та самая женщина, которая вместе с тремя мужчинами встретила нас на дороге. В ее лодку сели г-жа Булыгина, одна кадыкская островитянка, малолетний ученик Котельников и один алеут; а в большую поместились девять человек самых отважных и проворных промышленников; все же прочие остались на берегу.

Когда большая лодка достигла середины реки, бывшие в ней дикие, выдернув пробки, на дне ее воткнутые в нарочно сделанные дыры, бросились в воду и поплыли к берегу, а лодку понесло мимо хижин, откуда колюжи, закричав страшным образом, начали бросать в наших копья и стрелы. К счастью, скоро подхватило ее отраженное течение и принесло к берегу на нашу сторону, прежде нежели успела она наполниться водой и потонуть. Таким образом, по благодати божией, спаслись они чудесным образом, однакож все были переранены и двое⁵⁰ весьма опасно. Находившиеся же в малой лодке взяты были в плен.

Дикие, заключив, что бывшие в лодке ружья должны быть подмочены и к действию не годятся, немедленно переехали на нашу сторону, будучи вооружены копьями, стрелами, а двое ружьями. Мы же, видя злодейский их умысел, укре-

⁵⁰ Собачников и Петухов.

пились («отаборясь», говорит Тараканов) наскоро, как могли. Дикие, став в строй от занятого нами места в расстоянии около сорока сажен, начали бросать в нас стрелы и один раз сделали ружейный выстрел. Мы имели еще несколько сухих ружей, которыми отражали неприятеля в продолжение около часа, и не прежде обратили его в бегство, как переранив многих из его ратников и положив двоих на месте. С нашей стороны один Собачников был смертельно ранен стрелой, которой обломок остался в животе. Он никак не в силах был идти с нами, а мы ни под каким видом не хотели его оставить на жертву варварам и потому понесли с собою на руках.

Когда мы прошли с версту от места сражения, раненый наш товарищ, чувствуя нестерпимую боль и скорое приближение смерти, просил нас оставить его умереть в тишине лесов и советовал, чтоб мы старались скорее удалиться от диких, которые, конечно, сберут новые силы и будут нас преследовать. Простившись с несчастным нашим другом и оплавав горькую его участь, мы оставили его уже при последних минутах жизни и пошли в путь, а для ночлега избрали удобное место в горах, покрытых лесом.

Опасность, в коей мы находились в продолжение дня, страх и беспрестанная забота о сохранении своей жизни не оставляли нам времени на размышления. Но теперь ночью, на досуге, первая мысль наша обратилась на чрезвычайное многолюдство диких: мы не могли понять, как помещалось более двухсот человек в шести хижинах. После мы уже узна-

ли, что они с разных мест собрались нарочно для нападения на нас: более пятидесяти человек в числе их находилось из того народа, который напал на нас при кораблекрушении, и многие даже были с мыса Гревилья⁵¹. Гибельное наше положение приводило нас в ужас и отчаяние, но более всех страдал несчастный командир наш: лишившись супруги, которую он любил более самого себя, и не зная ничего о ее участи в руках варваров, Булыгин мучился жестоким образом; нельзя было смотреть на него без крайнего сожаления и слез.

9, 10 и 11-го числа шел проливной дождь. Не зная сами, куда шли, мы бродили по лесу и по горам, стараясь только укрыться от диких, которых мы страшились встретить в такую ненастную погоду, когда ружья наши были бы бесполезны. Голод изнурил нас совершенно; мы не находили грибов, ни других диких произведений и принуждены были питаться древесными губками (наростами), подошвами от торбасов⁵², кишечными и горловыми камлеями⁵³ и лахтакными⁵⁴ чехлами с ружей. Наконец и этого запаса не стало. Тогда мы решились подойти опять к прежней реке, на берегу коей увидели две хижины; но как погода тогда была чрезвычайно

⁵¹ Мыс Гревиль (Гревиль, англ. Granvilir) – на западном берегу США, штат Вашингтон.

⁵² Торбасами в Камчатке и Америке называются большие сапоги, кои наши рыбаки именуют иногда бахилами.

⁵³ Камлея – платье покроем рубахи: кишечные шьются из медвежьих кишек, а горловые – из горлов сивучей или морских львов.

⁵⁴ Лахтак – выделанная сивучья кожа.

мокрая, то мы, опасаясь встретить тут большое число диких, отошли от берега в лес верст на пять, поставили шалаш и ночевали. 12-го числа мы не имели уже ни куска пищи, а потому начальник наш послал отряд в лес собирать по деревьям губки. Но можно ли было сим способом насытить шестнадцать человек! Мы решились заколоть постоянного нашего друга, неизменного стража, верную собаку, и мясо разделили на всех поровну.

В это злополучное время Булыгин, собрав нас, со слезами на глазах сказал: «Братцы! Мне в таких бедствиях прежде быть не случилось и теперь почти ума своего лишаюсь и управлять вами более не в силах; я теперь препоручаю Тарканову, чтоб он управлял всеми вами, и сам из послушания его выходить не буду; сверх того, если вам не угодно, выберите из своих товарищей кого хотите». Однакож все единодушно изъявили свое согласие на предложение Николая Исаковича; тогда он, написав карандашом о возведении меня на степень начальника бумагу, сам первый ее скрепил своей рукой, а ему последовали и все другие, кто умел писать.

13 ноября шел сильный дождь, заставивший нас целый день пробыть на месте; мы съели остаток собачьего мяса и, не имея более пищи, согласились на другой день напасть на две виденные нами хижины.

14-го числа погода нам благоприятствовала: день был ясный. Подкравшись к хижинам и окружив оные, мы закричали, чтоб все находившиеся в них вышли вон, но нашли

только одного пленного мальчишку, лет тринадцати, который знаками показал нам, что люди все, испугавшись наших следов, переправились за реку. Взяв здесь на каждого из нас по двадцати пяти рыб в связках, пошли мы на прежний свой стан. Но едва успели отойти с версту от хижины, как увидели бегущего за нами дикого, который кричал что-то для нас непонятное. Боясь, чтоб он не открыл места нашего убежища, мы прицелились в него ружьями и тем самым заставили от нас удалиться.

На пути нашем в овраге находилась речка, у которой товарищи мои с моего согласия расположились отдыхать и завтракать; а я с промышленником Овчинниковым и одним алеутом в это время вздумал подняться на близлежащую гору, чтоб осмотреть окружные места. Овчинников поднялся первый и лишь ступил на самую вершину горы, как я увидел, что он был поражен стрелой в спину. Я тотчас закричал следовавшему за ним алеуту выдернуть у него из спины стрелу, но в самую эту минуту и его ранили. Тогда я, оборотясь, увидел на горе против нас, за речкой, множество колюжей, а сверх того человек двадцать бежавших, чтоб отрезать нас троих от наших товарищей; между тем стрелы сыпались на нас, как град. Я тотчас выстрелил по ним из винтовки и ранил одного в ногу. Тогда дикие, подхватив его на плечи, ударились бежать; а мы, соединясь со своими товарищами, достигли благополучно ночлега, где, осмотрев раненых, нашли, что раны их были не опасны. На сем месте для восстано-

ния сил своих пищей и для отдохновения раненых пробыли мы двое суток.

Здесь мы изобрели и утвердили новый план нашим действиям. Время года не позволяло нам уже достичь гавани, чтоб встретить там ожидаемое судно, ибо неизвестно, когда мы будем в состоянии переправиться через реку. И для того мы решились итти вверх по ней, доколе не встретим озера, из коего она вытекает, или на ней самой удобного для рыбной ловли места, где, укрепясь, зимовать, а весной уже действовать, смотря по обстоятельствам. После сего, достигнув реки, шли мы беспрестанно вверх по ней, а удалялись в горы тогда только, когда встречали непроходимую чащу или утесы, но вскоре опять выходили к ее берегам. Ненастные погоды, почти беспрерывно продолжавшиеся, много препятствовали успеху нашего путешествия; мы подавались вперед весьма медленно. К счастью, нередко попадались нам жители, ездившие по реке на лодках; некоторые из них, по приглашению нашему, приставали к берегу и продавали нам рыбу за бисер, пуговицы и другие мелочи.

В несколько дней прошли мы довольно большое расстояние по излучинам реки, но, взяв оное по прямой черте, не более как верст двадцать, и, наконец, вдруг очутились подле самых дверей двух хижин. Мы спросили продажной рыбы и получили весьма малое количество: жители отзывались, что более не имеют, и этот недостаток приписывали большой воде, покрывшей заколы, через кои рыба уходит. Крайность за-

ставила нас прибегнуть к насильственным мерам, которые, впрочем, совесть наша совершенно оправдывала: жители довели нас до последней степени человеческого злополучия, следовательно мы имели полное право не только силой взять необходимое для нашего существования от их единоземцев, но даже и мстить им, а потому с нашей стороны и то может почесться уже великодушием, что мы не хотели сделать им никакого вреда. Итак, грозным, повелительным голосом приказали мы обитателям хижин немедленно вынести к нам всю рыбу, у них бывшую. Требование наше тотчас было исполнено, и мы взяли на каждого из нас рыбы по связке в подъем человека, да два мешка, сделанные из тюленьих кож, с икрой. За все это заплатили диким бисером и корольками, и как казалось, к совершенному их удовольствию. Потом, выпросив у них двух человек пособить нам донести запас до первого ночлега, мы пошли в путь и, отойдя версты две, расположились ночевать. Диким за труды дали мы по бумажному платку и отпустили их.

На другой день поутру прибыли в нашу ставку двое колюжей и очень смело вошли в шалаш: один из них был хозяин хижины, где мы взяли рыбу, а другой незнакомый. Они принесли на продажу пузырь китового жира. Потолковав с нами кое о чем, незнакомый спросил у нас, не хотим ли мы выкупить у его соотечественников нашу женщину Анну, разумея под сим именем госпожу Булыгину. Предложение это всех нас удивило и обрадовало, а Булыгин, услышав эти сло-

ва, вне себя был от радости. Мы тотчас открыли переговоры о выкупе. Булыгин предложил ему последнюю шинель за свою супругу; к шинели я прибавил свой новый китайчатый халат; все прочие наши товарищи, не исключая даже и алетов, также каждый прибавлял что-нибудь: кто камзол, а кто шаровары, и, наконец, из сих вещей составила порядочная грудa; но дикий уверял, что землякам его этого мало, и требовал в прибавок четырех ружей. Мы ему не отказали, но объявили, что прежде заключения условия хотим видеть Анну Петровну.

Дикий обещал доставить нам это удовольствие и тотчас отправился.

Вскоре соотечественники его привели ее на другой берег реки, прямо против нас; мы просили привезти на нашу сторону; тогда они, посадив ее в лодку с двумя человеками и подвезя к нашему берегу на расстояние сажен пятнадцати или двадцати, остановились и начали с нами переговариваться. Я не в силах изобразить того положения, в каком находилась несчастная чета при сем свидании. Анна Петровна и супруг ее заливались слезами, рыдали и едва могли говорить; глядя на них, и мы все горько плакали; одни лишь дикие были нечувствительны к сему горестному явлению. Она старалась успокоить своего супруга и уверяла нас, что ее содержат хорошо и обходятся с нею человеколюбиво, что взятые вместе с нею люди живы и находятся теперь при устье реки.

Поговорив с нею, мы стали рассуждать с дикими о выку-

пе и предлагали за нее все прежние вещи и в прибавок одно испорченное ружье; но они стояли в своем и хотели непременно получить четыре ружья; когда же увидели, что мы решительно на их требование ничего не отвечаем, то увезли ее немедленно за реку.

В это время Булыгин, приняв на себя вид начальника, приказывал, чтоб я велел отдать требуемый дикими выкуп: но я ему представил, что у нас осталось только по одному годному ружью на каждого человека, что мы не имеем никаких инструментов для починки оных и что в ружьях состоит единственное наше спасение, следовательно, лишиться такого значительного числа ружей крайне неблагоприятно; а если взять еще в рассуждение, что эти самые ружья будут тотчас употреблены против нас, то исполнение его приказания совершенно нас погубит, и потому я просил его извинить меня, что в сем случае осмеливаюсь его послушаться. Но он, по причинам, ему, без сомнения, простительным, не хотел уважить моих доводов, а старался убедить других ласками и обещаниями согласиться на его желание. Тогда я сказал твердо и решительно моим товарищам, что если они согласятся отдать колюжам хотя одно годное ружье, то я им не товарищ и тотчас последую за дикими. На это все до одного человека в голос отвечали, что покуда живы, с ружьями ни за что не расстанутся. Мы чувствовали, что отказ сей должен был, как громом, поразить злосчастливого нашего начальника. Но что нам было делать! Жизнь и свобода человеку ми-

лее всего на свете, и мы хотели со хранить их.

После этого горестного происшествия шли мы несколько дней вверх по реке и часто видели ходившие по оной лодки; из сего заключили, что вверху реки долженствовало быть не в дальнем расстоянии селение, которого нам достичь хотелось. Но выпавший 10 декабря еще первый глубокий снег уничтожил наше намерение. Снег не сходил, а оттого мы никак не могли продолжать путь. Теперь надлежало пешись, как бы провести зиму лучше и прокормиться. На сей конец я велел при реке расчистить место и рубить лес для построения избы; а между тем мы жили в шалашах. Забота о доставлении себе пищи беспокоила нас более всего.

Пока мы устраивали свое жильё, однажды под вечер приехала к нам лодка с тремя человеками, из них один молодой, проворный малый показался нам сыном какого-нибудь тоёна, в чем мы и не ошиблись. На вопрос наш об их жилище он нам сказал, что оно находится от нас весьма близко. Мы спросили, не возьмут ли они с собою одного из наших людей, который купит у них рыбы, а они бы его к нам опять доставили. На это предложение они тотчас с радостью согласились и начали чрезвычайно торопиться к отъезду: они, без сомнения, радовались, что имеют прекрасный случай захватить в плен так легко еще одного из нас. Из наших промышленников Курмачев был готов ехать с ними, но когда они приглашали, чтоб он скорее садился в лодку, мы потребовали, чтоб

они вместо него оставили у нас аманата⁵⁵. Это им крайне не понравилось, но делать было нечего, желание наше надлежало исполнить. Дикого мы строго караулили во всю ночь, а на другой день освободили, когда привезли Курмачева. Он приехал, однакож, с голыми руками. Колюжи ничего ему не дали и не продали. Жилище их состояло в одной хижине, в которой Курмачев видел шестерых мужчин, кроме троих, к нам приезжавших, и двух женщин.

Дикие нас обманули; за то мы положили перевестаться с ними иначе: посадив под караул гостей своих, мы отправили на их лодке к хижине с ружьями шесть человек, которые, взяв у них всю рыбу, вечером привезли домой; тогда мы задержанных отпустили, одарив их чем могли. Вскоре за сим один старик привез к нам в лодке девяносто кижучей (лососей) и продал за медные пуговицы.

Через несколько дней поспела наша изба, или казарма, и мы перебрались на новоселье. Она была квадратная, с будками по углам для часовых. Вскоре потом посетил нас тот же молодой тоенский сын, с которым мы имели дело. Мы опять спрашивали у него продажной рыбы, но получили грубый отказ, за что, посадив его под караул, объявили, что не дадим ему свободы, доколе он не доставит нам на зиму нужного количества рыбы. Мы требовали от него четырехсот лососей и десяти пузырей икры, отметив ему количество это черточками на палке. Узнав, в чем состоит наше требование,

⁵⁵ Аманат – заложник.

он немедленно отправил своих товарищей, а куда, нам было неизвестно. После того в продолжение недели приезжали они к нему два раза и говорили между собой потихоньку. Когда они были во второй раз, аманат наш стал просить, чтоб пропустили вниз по реке лодки с его людьми; мы на это охотно согласились, и через полчаса потом спустилось мимо вас тринадцать лодок, на которых было обоего пола до семидесяти человек. Люди сии вскоре возвратились и доставили нам требуемое количество рыбы и икры, а сверх того выпросили мы у них одну лодку, способную поднять до шести человек. Тогда мы отпустили задержанного молодого человека, подарив ему испортившееся ружье, суконный плащ, ситцевое одеяло и китайчатую рубаху. Имея теперь свою лодку, мы часто отправляли ее с вооруженными людьми вверх по реке за рыбой.

Колюжи нас оставили, а мы, решив сию важную дипломатическую статью, на долгое время оставались единственными владельцами присвоенного себе участка земли и вод и в продолжение уже всей зимы жили покойно и имели изобилие в пище⁵⁶.

Целую зиму занимались мы составлением плана будущим нашим действиям. Я предложил, а товарищи мои приняли и утвердили построить другую лодку, весною ехать вверх по

⁵⁶ Люди, привыкшие к хлебу и разнородным яствам, назвали бы пропитание одной рыбой голодом, но промышленники наши и в добрую пору в своих собственных селениях почти всегда питались рыбой, к которой им все приправа: и трава, и дикие коренья, и раковины.

реке, доколе будет можно, а потом, оставив лодки, идти в горы и, склоняясь к югу, выйти на реку Колумбию, по берегам коей обитают народы не столь варварские, как те, с которыми мы должны иметь здесь дело. К сему, впрочем, весьма трудному в исполнении предначертанию побудила нас совершенная крайность; мы знали, что дикие при устье реки собирали большие силы с намерением делать нам все возможные препятствия в нашем пути вдоль морского берега и производить беспрестанные над нами поиски. Мы приготовили лодки и ожидали только наступления теплых дней, как вдруг повстречалось с нами неожиданное происшествие, совершенно уничтожившее все наши намерения.

Булыгин объявил, что желает опять принять начальство над нами, и стал входить в распоряжения по команде. Я без малейшего прекословия возвратил ему право и был очень доволен, что избавился заботы и беспокойств, сопряженных с должностью начальника в столь критическом положении. 8 февраля 1809 года, оставив наше жилище и в нем немалое количество рыбы, пустились мы вниз по реке и остановились на том самом месте, где в прошлом году колюжи предлагали нам на выкуп г-жу Булыгину. Мы видели цель нашего начальника и к чему дело клонилось, но, уважая его страдания и жалостное положение супруги его, решились лучше подвергнуть себя опасности, чем сопротивлением довести его до отчаяния. Здесь посетил нас один старик и подарил нам иш-

кат пареных квасных кореньев⁵⁷. Он любопытствовал знать, куда мы едем, и, услышав ответ наш: к устью реки, хотел выведать, куда пойдем оттуда, но этого мы и сами не знали. Старик был очень услужлив, а с какой целью, это другое дело. Увидев, что наш огонь заливают сильным дождем, он нас оставил и вскоре возвратился с двумя широкими досками, которыми могли мы прикрыть его от ветра и дождя; за это дали мы ему платок и шапку. Потом вызвался он ехать с нами и до устья реки чтоб служить нам путеводителем и предохранять наши лодки от наносного леса. Мы приняли его услуги и были ими очень довольны: он ехал впереди и показывал нам безопаснейший путь; а где было много дерев, он садился в наши лодки и препровождал нас с великой осторожностью. Таким образом продолжая наше плавание, приехали мы к небольшому острову; тогда проводник вдруг остановился и советовал нам пристать к берегу, а сам поехал на островок, на котором вскоре увидели мы несколько человек, в суетах и тревоге бегавших взад и вперед с луками и стрелами. Старик между тем, отвалив, вскоре к нам возвратился и известил нас, что на острове собралось много людей, которые хотят бросать в нас стрелы и копья, коль скоро мы поедем мимо их; а потому он взялся проводить нас другим, весьма узким проходом, и исправно сдержал свое слово.

⁵⁷ «Ишкат» – из прутьев или кореньев сплетенная корзинка, столь плотная, что не пропускает воды; а квасными кореньями называется растение пупырья потому, что промышленные делают из них кислый напиток, подобный квасу.

Достигнув устья реки, остановились мы против селения диких на противоположном берегу, где поставили шалаш и лодки свои вытащили на берег, а провожавшему нас старику подарили рубашку и шейный платок. Сверх того, наградили мы его медалью, нарочно на сей случай из олова вылитую. на одной стороне изобразили мы кое-как орла, означающего Россию, а на другой – год, месяц и число, когда этот дикий, по имени Лютлюлюк, получил ее: мы велели ему носить ее на шее. На другой день поутру приехало к нам из-за реки множество людей; в числе их находились две женщины, одна из них была та самая плутовка, которая участвовала в обманывании нас на дороге и перевозила Булыгину и других троих через реку, когда дикие захватили их в плен. Схватив тотчас эту женщину и одного молодого мужчину, мы посадили их в колодки, объявив тогда же их единосемцам, что не освободим их, доколе не возвратят наших пленных. Вскоре после сего происшествия явился к нам муж задержанной женщины; он уверил нас, что наших людей здесь нет, ибо они достались по жребью другому поколению, но что он нарочно за ними пойдет и через четыре дня возвратит нам всех их, если только мы дадим ему обещание, что не умертвим жены его. Начальник наш, слышав сие уверение, был вне себя от радости, и мы тотчас решились провести здесь несколько дней; но как занятое нами место было очень низко и при крепком ветре в ночь его затопило, то мы, удалясь на гору в расстоянии от берега около версты, там укрепились. Спустя

восемь дней после переговоров о размене пленных прибыло на берег реки около пятидесяти человек колюжей; располагаясь на противном берегу, они хотели открыть с нами переговоры; я с некоторыми из своих товарищей тотчас спустился к берегу. Дикие были под предводительством одного пожилого человека, в куртке и панталонах и в пуховой шляпе. Между ними, к великой нашей радости, увидели мы свою Анну Петровну.

После первых взаимных приветствий Булыгина объявила, что задержанная нами женщина – родная сестра старшины, по-европейски одетого, что как она, так и брат ее – люди весьма добрые, оказали ей большие услуги и обходятся с нею очень хорошо, а потому требовала, чтоб мы освободили немедленно эту женщину. Когда же я ей сказал, что супруг ее желает освободить пленных не иначе, как в размен за нее, тогда Булыгина дала нам ответ, поразивший всех нас, как громом, и которому мы несколько минут не верили, приняв за сновидение. Мы с ужасом, горестью и досадой слушали, когда она решительно сказала, что, будучи теперь довольна своим состоянием, не хочет быть вместе с нами и советует нам добровольно отдаться в руки того народа, у которого находится она; что старшина человек прямой и добродетельный, известен по всему здешнему берегу и верно освободит и отправит нас на два европейские корабля, находящиеся в это время в проливе Жуан-де-Фука. О троих пленных вместе с ней она объявила, что Котельников достался народу, жив-

шему на мысе Гревиле, Яков у того поколения, на берегах которых разбилось наше судно, а Марья у здешнего племени, на устье реки.

Я не знал, как сказать Булыгину, страстно любившему свою супругу, о таком ее ответе и намерении. Тщетно уговаривал я ее опомниться и пожалеть о несчастном своем муже, которому она была всем обязана. Долго я колебался, но делать нечего: таить правду было нельзя, надлежало все открыть злополучному нашему начальнику и сразить его. Выслушав меня, он, казалось, не верил моим словам и полагал, что я шучу. Но, подумав несколько, вдруг пришел в совершенное бешенство, схватил ружье и побежал к берегу с намерением застрелить свою супругу. Однакож, пройдя несколько шагов, остановился, заплакал и приказал мне одному итти и уговаривать ее и даже погрозить, что он ее застрелит. Я исполнил приказание несчастного моего начальника, но успеха не было: жена его решила остаться с дикими. «Я смерти не боюсь, – сказала она, – для меня лучше умереть, нежели скитаться с вами по лесам, где, может быть, попадемся мы к народу лютому и варварскому; а теперь я живу с людьми добрыми и человеколюбивыми; скажи моему мужу, что я угрозы его презираю». Булыгин, выслушав меня терпеливо, долго молчал и стоял, подобно человеку, лишившемуся памяти, наконец, вдруг зарыдал и упал на землю, как мертвый. Когда мы привели его в чувство и положили на шинель, он стал горько плакать и не говорил с нами ни слова,

а я между тем, прислонясь к дереву, имел время подумать о затруднительном нашем положении. Начальник наш, лишась супруги, которая за его любовь и привязанность изменила ему и презрела его, не помнил уже сам, что делал, и даже желал умереть; за что же мы должны были погибать? Рассуждая таким образом, я представил Булыгину и всем нашим товарищам, что если Анна Петровна, будучи сама россиянка, хвалит сей народ, то неужели она к тому научена дикими и согласилась предать нас в их руки? Мы должны ей верить, следовательно лучше положиться на них и отдаться им во власть добровольно, чем бродить по лесам, беспрестанно бороться с голодом и стихиями и, сражаясь с дикими, изнурить себя и, наконец, попасться к какому-нибудь зверскому поколению.

Булыгин молчал, а все прочие опровергли мое мнение и не хотели согласиться со мной. Тогда я им сказал, что уговаривать их более не смею, но сам решился поступить, как предлагал, и отдамся на волю диких. В это время и начальник наш объявил свое мнение: он был во всем согласен со мной, а товарищи наши просили позволения подумать. Таким образом кончились в тот день переговоры: дикие удалились к устью реки, а мы остались ночевать в горе.

Поутру дикие опять явились на прежнем месте и снова стали просить об освобождении их пленных. Тогда я объявил старшине, что из нашего общества пять человек⁵⁸, счи-

⁵⁸ Штурман, Тараканов, Овчинников и два алеута.

тая их людьми честными и добродетельными, решились им покориться в надежде, что они нам никакого зла не сделают и на первом корабле позволят отправиться в свое отечество. Старшина уверял нас, что мы в предприятий своем не раскаемся и уговаривал остальных последовать нашему примеру, но они упорно стояли на своем и, выпустив из-под караула диких, простились с нами со слезами и по-братски; мы отдались диким и пошли с ними в путь, а товарищи наши остались на прежнем месте.

На другой день достигли мы Кунищатского⁵⁹ селения, где хозяин мой, коему я достался, вышеупоминаемый старшина, по имени Ютрамаки, в эту зиму имел свое пребывание. Бульгин достался тому же хозяину, но по собственному своему желанию перешел к другому, которому принадлежала его супруга; Овчинников и алеуты также попались в «разные руки». Что же принадлежит до прочих наших товарищей, то они того же числа, как с нами расстались, вздумали переехать на остров Дестракшин, но на сем переезде нашли на камень, разбили свою лодку, подмочили весь порох и сами едва спаслись. Лишась единственной своей обороны – пороха, хотели они нас догнать и отдаться кунищатскому поколению, но, не зная дороги, встретили при переправе через одну реку другой народ. Дикие эти на них напали и всех взяли в плен, а потом некоторых продали кунищатам, а других оставили у себя. Хозяин мой, пробыв около месяца у куни-

⁵⁹ Имя одного поколения, недалеко от мыса Жуан-де-Фука живущего.

щат, вздумал переехать в свое собственное жилище, находящееся на самом мысе Жуан-де-Фука, но прежде отправления выкупил Булыгина, дав ему обещание выкупить вскоре и супругу его, которая уже теперь получила от своего мужа прощение и жила с ним вместе. Переехав на новоселье, мы жили с Булыгиным у своего хозяина очень спокойно: он обходился с нами ласково и содержал нас хорошо, доколе не случилась ссора между ним и прежним хозяином Булыгина. Последний прислал назад данный за Николая Исаковича выкуп, состоявший в одной девушке и двух сажнях сукна, и требовал возвращения своего пленника, но Ютрамаки на это не соглашался. Наконец, Булыгин объявил ему, что по любви к жене своей непременно желает быть вместе с ней, и просил продать его прежнему хозяину. Желание его было исполнено, но после того дикие беспрестанно нас из рук в руки то продавали, то меняли или по родству и дружбе уступали друг другу и дарили. Николай Исакович со своей Анной Петровной имели самую горькую участь: иногда их соединяли, а иногда опять разделяли, и они находились в беспрестанном страхе увидеть себя разлученными навеки. Наконец, смерть прекратила бедствия злополучной четы: госпожа Булыгина скончалась в августе 1809 года, живя врозь со своим супругом, а он, узнавши о ее смерти, стал более сокрушаться, сохнуть и в самой жестокой чахотке испустил дух 14 февраля 1810 года. Г-жа Булыгина при смерти своей находилась в руках столь гнусного варвара, что он не позво-

лил даже похоронить тело ее, а велел бросить в лес.

Между тем самое большое время моего плена я находил у доброго моего хозяина Ютрамаки, который обходился со мной, как с другом, а не так, как с пленником. Я старался всеми способами заслуживать его благорасположение. Люди эти совершенные дети: всякая безделица им нравится и утешает их. Пользуясь их невежеством, я умел заставить их себя любить и даже уважать. Например, я сделал из бумаги змея и, приготовив из звериных жил нитки, стал спускать его. Поднявшийся до чрезвычайной высоты змей изумил диких; приписывая изобретение это моему гению, они утверждали, что русские могут достать солнце. Но ничем я так не услужил моему хозяину, как пожарной трещоткой («сплошная пожарка», по именованию Тараканова). К счастью, мне удалось растолковать ему, что разнотонные звуки трещотки могут означать разные движения в войне и что она весьма полезна при нападении на неприятеля и при отступлении от него. Инструмент сей довершил мою славу: все удивлялись моему уму и думали, что подобных гениев мало уже осталось в России.

В сентябре мы оставили мыс Жуан-де-Фука и переехали на зиму далее вверх по проливу сего же имени. Тут построил я себе особую от всех небольшую землянку и жил один. Осенью занимался я стрельянием птиц, а зимою делал для своего хозяина и на продажу разного рода деревянную посуду. Для сей работы сковал я скобель и зауторник из гвоздей по-

средством каменьев. Труды мои дикие видели и удивлялись. Старшины в общем собрании положили, что человек, столь искусный, как я, должен непременно быть сам старшиною или тоеном. После сего меня везде звали в гости вместе с моим хозяином и угощали во всем наравне со своими старшинами, Они крайне удивлялись, каким образом Булыгин, не умевший ни птицы застрелить на лету, ни хорошо владеть топором, мог быть нашим начальником.

В эту зиму здешние жители терпели большой недостаток в продовольствии, так что принуждены были друг другу платить по бобру за десять вяленых лососей, и мой хозяин употребил много бобров на покупку рыбы. Но у некоторых из старшин был совершенный голод: промышленники Петухов, Шубин и Зуев от недостатка, пищи бежали ко мне; хозяин мой их кормил, и когда их хозяева требовали их выдачи, он сказал им, что они живут у меня, следовательно, и возвращение их от меня зависит. Дикие отнеслись ко мне, и я отпустил бежавших не прежде, как на условии, чтоб они их не обижали и кормили.

В марте переехали мы на летнее жилище, где я построил другую землянку, обширнее первой, и укрепил ее с морской стороны «бойницами». Слава сего здания разнеслась далеко, и старшины через большое расстояние приезжали смотреть и удивляться ему.

Наконец, милосердный бог внял мольбам нашим и послал нам избавление: 6 мая рано утром показалось двухмачто-

вое судно и вскоре приблизилось к берегу. Хозяин мой, взяв меня с собою, тотчас поехал на судно. Бриг этот принадлежал Соединенным Штатам, назывался «Лидия» и был под начальством капитана Броуна. На нем, к немалому моему удивлению, нашел я товарища своего Валгусова и узнал, что он был перепродан на берега реки Колумбии, где выкуплен капитаном Броуном. Капитан, потолковав со мною о наших бедствиях, как умел, изъяснил моему хозяину, чтоб он велел своим единоземцам привести к нему всех пленных русских, которых он намерен выкупить. Хозяин уехал, а я остался на бригае.

На другой день дикие привезли бывшего с нами англичанина Джона Виллиамса, за которого сначала запросили чрезвычайный выкуп, но потом согласились взять пять байковых одеял, пять сажень сукна, слесарную пилу, два стальных ножа, одно зеркало, пять картузов пороху и такой же величины пять мешков дробы. После и за всех нас получили они по такому же количеству, кроме Болотова и Курмачева, которых дважды привозили к судну и в оба раза просили такой чрезвычайный выкуп, что плата за каждого превосходила ценою то, что дано за всех нас вместе; но как диким требуемого не дали, то они увезли несчастных сих людей назад, а притом объявили, что и Шубина мы не увидим, ибо он продан хозяину, который уехал для китовых промыслов на остров Дестракшин.

Упрямство диких заставило капитана Броуна принять

другие меры: он захватил одного старшину, родного брата тому тоену, у которого находились в неволе Болотов и Курмачев, и объявил ему, что он дотоле не получит свободы, доколе русские не будут освобождены. Поступок сей имел желанный успех: в тот же день привезли Болотова и Курмачева; тогда мы стали требовать Шубина, назначив сутки сроку. Но его привезли уже на другой день, когда мы находились в море, милях в пятнадцати от берега. Тогда капитан Броун освободил старшину, заплатив ему за каждого из вырученных людей такой же выкуп, какой дан и за других. Таким образом капитан Броун выкупил нас тринадцать человек⁶⁰; во время бедствий наших и в плену умерло семеро⁶¹, один⁶² продан отдаленным народам и остался у них; а один (алеут) был еще в 1809 году выкуплен капитаном американского корабля «Меркурий» Парсом с берегов реки Колумбии.

10 мая отправились мы в путь и шли беспрестанно вдоль берега, часто заходили в разные гавани для торговли с дикими, а 9 июня прибыли благополучно в порт Ново-Архангельск.

⁶⁰ Тимофей Тараканов, Дмитрий Шубин, Иван Болотов, Иван Курмачев, Афанасий Валгусов, Касьян Зырянов, Савва Зуев, Абрам Петухов, Джон Виллиамс, алеутов два и алеуток две.

⁶¹ Штурман Булыгин с женой, Яков Петухов, Козьма Овчинников, Харитон бобачников и двое алеутов.

⁶² Малолетний ученик Филипп Котельников.

Крушение военного брига «Диспач» (под начальством капитан-лейтенанта Касливцова) у берегов острова Рюгена в ночь с 5 на 6 октября 1805 года

Контр-адмирал Сарычев⁶³ летом 1805 года начальствовал небольшой эскадрой, которая плавала в Балтийском море для окончания произведенных им в прежние годы астрономических наблюдений и для обучения гардемаринов на самом деле управлению кораблей, или, так называемой, морской практике.

В августе предписано ему было нанять и приготовить в Ревеле и Риге нужное число купеческих судов для отвоза в Померанию десантных войск⁶⁴. Исполняя это вновь возложенное на него поручение, контр-адмирал Сарычев прибыл в Ригу 21 августа, а 17 сентября пришел туда же бриг «Дис-

⁶³ Гаврило Андреевич, впоследствии адмирал, государственных Адмиралтейств-коллегий и Адмиралтейского департамента член и генерал-гидрограф.

⁶⁴ «Для отвоза в Померанию десантных войск». В 1805 году Россия, как член так называемой Третьей коалиции, воевала с наполеоновской Францией. Померания – южная прибалтийская полоса; ее западная часть вместе с островом Рюген принадлежала в то время Швеции, также входившей в состав Третьей коалиции.

пач», под начальством капитал-лейтенанта Касливцова. Он прислан был к контр-адмиралу именно для препровождения конвоя с войсками. Бриг сей, построенный в Англии, был одним из лучших в своем роде военных судов и управляем весьма искусным морским офицером.

23 августа конвой, состоявший из двадцати шести судов, отправился в путь под предводительством контр-адмирала Сарычева, имевшего свое пребывание на бриге «Диспач». Сначала плавание их продолжалось благополучно, исключая некоторые неприятные, впрочем не слишком важные, повреждения, приключившихся двум или трем из купеческих судов; но в ночь на 25-е число, когда конвой выходил уже из пролива между курляндским берегом и островом Эзелём⁶⁵ в Балтийское море, «Диспач» коснулся дна рулем, который тремя ударами сбросило с петель и вовсе оторвало. Контр-адмирал полагал, что это несчастье случилось на четырехсаженной банке, находящейся посреди пролива при выходе в море.

Потеря руля привела бриг в самое опасное положение и даже угрожала ему крушением, которого он, может быть, и не избежал бы, если б управлялся менее искусными мореходцами, ибо дувший тогда крепкий северный ветер прижимал его к курляндскому берегу, а без руля нельзя было им править. В таком гибельном состоянии он обязан своим спасением присутствию духа начальствующего конвоем, который

⁶⁵ Остров Эзель, теперь Сарема, Эстонской ССР.

говорит⁶⁶: «Я решился на последнее средство к избавлению судна от кораблекрушения: стать на якорь на глубине двенадцати сажен. Но как по положению трех якорей бриг дрейфовало, то приказал я обрубить стеныги, из коих изорванные и незакрепленные паруса много противостояли ветру. Тогда ветер перестал тащить нас с якорей, и мы остановились на глубине девяти сажен при песчаном грунте, в двух итальянских милях от берега, между мысом Люзерортом и городом Виндавой⁶⁷».

На сем месте, стоя на якоре, в течение трех дней экипаж успел исправить все повреждения брига и сделать фальшивый руль. Но когда бриг готов уже был отправиться в путь к острову Рюгену⁶⁸, начальник конвоя получил уведомление, что в прошедшую бурю несколько судов его конвоя претерпели крушение по Курляндскому берегу между мысами Люзерортом и Домеснесом⁶⁹. Это заставило его посетить берег, осмотреть, что потеряно и что спасено, и сделать нужные, судя по обстоятельствам, распоряжения.

Осматривая берег между вышеупомянутыми двумя мы-

⁶⁶ См. «Дневные записки плавания вице-адмирала Сарычева», стр. 134.

⁶⁷ Мыс Люзерорт – против юго-западного выступа острова Сарема, на северном берегу Курляндии (теперь в Латвийской ССР). Виндава, теперь Вентспилс, портовый город Латвийской ССР, в устье реки Венты (Виндавы).

⁶⁸ Рюген (Rügen) – остров у берегов Померании; в то время принадлежал Швеции (см. выше примечание 39).

⁶⁹ Мыс Домеснес – у входа в Рижский залив, на крайнем севере Курляндии; теперь – в Латвийской ССР.

сами, контр-адмирал нашел, что на сем пространстве в числе многих погибших судов были восемь, принадлежавших к его конвою, и что на них погибли из казачьей команды майор Фролов, один хорунжий и 91 рядовых. При сем кораблекрушении с двух судов были спасены лошади чудным образом. «Казачи вытаскивали их на веревках из интрюма⁷⁰, наливавшегoся уже водой, и с борта судна толкали прямо в воду; тогда они сами выплывали на берег, и ни одна из них не потонула». Сделав распоряжения касательно спасшихся людей и снятых с потерянных судов снарядов и съестных припасов, контрадмирал Сарычев возвратился на бриг 1 октября и того же числа в 8 часов вечера, при юго-западном ветре, отправился в путь.

Поутру 3-го числа бриг увидел мыс Гоборг⁷¹, составляющий южную оконечность острова Готланда, а на рассвете следующего дня встретил корабль «Януарий», шедший из Рюгена в Россию, от которого узнал, что флот наш стоит у сего острова против мыса Перта⁷². В 7 часов вечера прошли Борнгольм, а поутру 5-го числа подошли к Рюгену; но как ветер усилился и поднялось большое волнение, то бриг никак не мог обойти восточного мыса сего острова и принуж-

⁷⁰ Интрюм – самая нижняя часть трюма.

⁷¹ Мыс Гоборг – южная оконечность острова Готланд (Суурсари) в Финском заливе.

⁷² Мыс Перт. Эта территория принадлежала в то время Швеции (Шведская Померания).

ден было во весь день лавировать под одними нижними парусами. Между тем, от чрезвычайной качки беспрестанным сильным движением руля перетерло державшие оный нижние бакштаги⁷³, отчего руль стал действовать слабо, и бриг не мог уже поворачивать через фордевинд⁷⁴. Тогда ему оставалось только стать на якорь, который они положили в 10 часов вечера у местечка Виттова, на глубине 17 сажен и иловатом дне. Но как один якорь не задержал, то в помощь ему был брошен другой, и бриг остановился, однакож не надолго: через час опять стало его дрейфовать, и глубина скоро уменьшилась до 6 сажен.

В это время опасное положение брига требовало скорых и решительных мер. Но ничто уже не могло спасти его. Контр-адмирал Сарычев повествует о сем несчастном событии таким образом.

«Для остановки и спасения брига велел я срубить мачты, но при всем том не переставало его дрейфовать, и в 11 часов ночи принесло к мели, поворотило поперек волнения, начало сильно бросать с боку на бок и бить о грунт; тогда свирепые волны вздымались подобно горам, разбивались о борт и, с седой пеной переливаясь через судно, сильно потрясали его, двигая по мели; каждый из нас старался держаться креп-

⁷³ Бакштаг – снасть, укрепляющая стеньгу (продолжение мачты) с боков; бакштагом также называют попутный боковой ветер и ход парусного корабля под этим ветром.

⁷⁴ Фордевинд – полный попутный ветер и ход парусного корабля под этим ветром.

че, чтоб волнением не сбросило его в море, ожидая ежеминутно потопления. Положение наше тем было ужаснее, что темнота ночи препятствовала видеть, сколь далеко находимся мы от берега. Когда судно наполнилось водой, поворотило его носом к берегу, и волнение, разбиваясь о корму, не столь уже его потрясало. Некоторые из служителей усмотрели перед судном чернеющийся берег и закричали: «Земля видна!» Тогда все люди собрались на бак, обрадовавшись показавшейся надежде к спасению; измокши и перезябши, ожидали с нетерпением наступления дня. Между тем лекарь наш, умея хорошо плавать, раздевшись, бросился в море, и мы тотчас потеряли его из виду в свирепеющих волнах. На рассвете увидели мы, что находимся в полуверсте от высокого и крутого берега, под которым приметили людей. С великим трудом спустили мы на воду ялик и, привязав к нему веревку, отправили с тремя человеками к берегу. Они долго пробивались между бурунов и каменьев; наконец, когда преодолели большие трудности, выкинуло их на сушу, и островитяне помогли им выйти. Таким образом, имея уже завезенную на берег веревку, спустили мы еще два гребных судна и на них с помощью сего завоза перевезли всех служителей с судна».

Жители Рюгена тотчас развели огни по берегу, чтоб согреть спасшихся, и впоследствии обходились с ними весьма хорошо. Контр-адмирал Сарычев пишет⁷⁵: «Граф Ливен ⁷⁶ и

⁷⁵ См. «Дневные записки плавания вице-адмирала Сарычева», стр. 138.

я с великим трудом взобрались на высокий и крутой берег. От сего места надобно было еще итти пешком до селения целую версту; но я, после претерпенного в прошедшей ночи от мокроты и стужи, так ослабел, что не в силах был итти далее и пал бы тут от изнеможения, если б великодушный граф, будучи и сам почти в таком же положении, но напрягая последние свои силы, не подал мне помощи и не довел меня до избы, где добродушные поселяне сняли с нас мокрое платье, положили в постель, укутали теплыми одеялами и тем отогрели».

Здесь нашли они отважного своего доктора⁷⁷, который к берегу приплыл благополучно, но тут волнами о каменья избило его жестоким образом, и он несколько времени был очень болен. Мужественный его поступок достоин величайшей похвалы, ибо он, невзирая на усталость и ушибы, кое-как добрался до селения и первый уведомил жителей о бедствующем судне, вследствие чего они тотчас собрались и пошли к берегу на помощь претерпевающим кораблекрушение.

Контр-адмирал впоследствии осматривал стоявший на мели бриг и нашел, что все его скрепления были целы и крепки и члены во всех частях тверды; это приписывает он особенно хорошей постройке, а потому старался сыскать в Стральзунде корабельного мастера, который взялся бы снять

⁷⁶ Генерал-майор при десантных войсках; он находился на «Диспаче».

⁷⁷ Имя его Василевский.

его с мели и исправить. Мастер хотя был найден и поряжен за шестнадцать тысяч талеров снять бриг с мели, однакож в предприятии своем не успел, но спас с него только то, что было можно. Между тем экипаж брига был размещен по кораблям эскадры, стоявшей у Рюгена, а сам контр-адмирал переехал на корабль «Рафаил», на котором и находился до прибытия его в Кронштадт.

Крушение корвета «Флора» (под начальством капитан – лейтенанта Кологривова), погибшего в ночь на 28 января 1807 года в Средиземном море у берегов албанских

Корвет «Флора» погиб на берегах Албании в то время, когда турки уже объявили войну России⁷⁸, и потому экипаж сего судна, спасшись при кораблекрушении, попался в плен к народу, поступившему с ним жестоким образом. По сим обстоятельствам кораблекрушения командир корвета не мог сохранить морского журнала и никаких других бумаг, из которых можно было бы составить полное оному описание; но как самое кораблекрушение, так и происшествия, случившиеся после того с экипажем в плену у турок, весьма хорошо описаны в журнале служившего тогда на сем корвете лейтенанта Сафонова, то я помещаю здесь выписку из него:

«7 января адмирал со всею эскадрой вышел из Бокка-ди-Каттаро⁷⁹ в море; ветер был крепкий, погода пасмурная со

⁷⁸ Русско-турецкая война началась в 1806 году (закончилась в 1812 году присоединением к России Бессарабии по Бухарестскому мирному договору).

⁷⁹ Бокка-ди-Каттаро (итал. Bocche di Cataro) – бухта Котор у берегов Черногории (Югославия).

шквалами. Ночью ветер сделался противный в Корфу⁸⁰, и по темноте мы с адмиралом разлучились; ветер крепчал до чрезмерности, и к утру снесло нас к Курцоле⁸¹, куда мы, наконец, и спустились.

9 января на курцольском рейде нашли два наших корабля – «Елену» и «Уриил», – поставленных для защиты крепости от неприятеля.

24 января, с первой переменной ветра, вышли в море: ветер был пресильный, но благополучный.

26 января ветер более и более усиливался и, наконец, сделался противным; облака летали подобно молнии; слышен был глухой подземный шум и чувствовался запах сала от воды; потом все небо покрылось одним черным облаком. Со страшным шумом восстал вихрь и порывисто переменил свое направление вокруг всего компаса; море вздымало валы свои до необъятной высоты. Вдали воздух сделался теплым, и в туче показалось страшное явление кровавого цвета. Это послужило нам верным признаком жестокого шквала. Немедленно послали людей крепить паруса, но не успели дойти до марсов⁸², как жестокий шквал повалил судно на бок. Увы! Хотели уже проститься с светом, но, к счастью нашему, в тот же момент молния ударила в мачты, они слома-

⁸⁰ Корфу – остров у западных берегов Греции (один из Ионических островов) у входа в Адриатическое море. На нем – одноименный порт.

⁸¹ Курцола, теперь Корчула, – остров у берегов Герцеговины (Югославия).

⁸² Марс – площадка у соединения мачты со стеньгой.

лись и упали в море. От убавки сверху тяжести корвет пришел в прежнее положение. Немедленно бросились спасать погибающих людей; двадцать спасли, а двадцать два утонули. Вскоре потом ярость стихий мало-помалу укротилась, настала тишина, и взору представились повсюду печальные следы опустошения. По счислению нашему, мы находились близко от берега и, по лоту видя уменьшение глубины, стали на якорь около мыса Дураццо (в Далмации) ⁸³.

На другой день, исправясь фальшивым вооружением, направили путь в Корфу; до 11 часов шли благополучно; вечером ветер сделался противный и чрезвычайно крепкий; нас начало валить к албанскому берегу. Не имея возможности нести паруса, не могли удалиться от берегов, а глубина беспрестанно убавлялась. Решились стать на якорь. Но, к несчастью нашему, первый якорь не задержал; бросили другой – и тот также, наконец и третий – все тщетно. Лишь только хотели бросить четвертый, как уже корвет ударило о мель и вышибло руль. «Боже! – вскричали все. – Погибаем!» Не было возможности спастись, вода в трюме увеличивалась, дождь лил ливнем, ночь претемная, везде стон и молитвы – ожидали каждую минуту своей гибели, но увидели утро. Ветер сделался немного мягче, но жестокий бурун ходил вокруг судна.

Сделали консилиум и положили, несмотря на угрожающую опасность, спасать людей, по крайней мере тех, кото-

⁸³ Дураццо, теперь Дуррес, – важнейший албанский порт (на Адриатическом море).

рых удастся; но всевышний был милосерд ко всем, и мы с капитаном последние, по спасении команды, съехали на берег. 28 января развели огонек и расположились переночевать на неприятельском берегу. Во всю ночь ветер был крепкий и с проливным дождем, но после наших несчастий и трудов мы спали замертво и не слышали дождя. Поутру корвет уже был разбит и видны были одни члены. Две беды миновались – настает третья: толпы албанцев отводят нас в Берат⁸⁴ к паше. Турок объявил несогласие Оттоманской Порты⁸⁵ с Россией и что мы пленные.

9 февраля, по повелению его, отправились в Царьград при конвое под начальством аги⁸⁶.

10 февраля прибыли мы в загородный дворец паши, построенный в азиатском вкусе на горе. По приказанию паши, дано нам было здесь на десять человек по барану, которых мы по-албански изготовили сами, изжарив целиком над огнем, и растерзали руками по порции. Переночевав довольно изрядно на дворе, в 4 часа утра отправились далее. Провожатые наши начинают быть с нами уже посмелее и обыскивают наши карманы; но, к несчастью, не находят в них ни гроша.

11 февраля прибыли в Албесан⁸⁷, где жители, по враж-

⁸⁴ Берат – город в Южной Албании.

⁸⁵ Оттоманская Порта (иначе Блистательная Порта, Высокая Порта) – неправильное, но общепринятое в дипломатических сношениях название бывшей Турецкой империи.

⁸⁶ Ага (турецкое) – господин, прежде – начальник янычар.

⁸⁷ Албесан (правильно Эльбасан) – город в центральной Албании.

денной ненависти к христианам, приняли нас с большим руганием и побоями; но квартира была порядочная, и хозяин дома, грек, был к нам милостив; одни только толпы турок, желавших нас видеть, как какое-либо чудо, до самой ночи беспокоили нас мучительно.

Наутро отправились; дорога шла горами.

12 февраля прибыли в крепость Огеру⁸⁸, коей управление зависит от паши бератского; она построена на высокой горе при озере. Строение готическое, но защищено довольно изрядно; жители большей частью болгары и греки. Обид в этом городе мы не терпели, но кормили нас весьма худо – объедками хлеба, остававшегося после провожатых. С тощими желудками горестно перешли мы расстояние, ведущее высокими горами.

13 февраля пришли в город Монастырь⁸⁹, населенный большей частью турками; болгар и греков весьма мало. Варварский народ встретил нас еще за триста шагов от ворот, и провожал до самой квартиры ругательствами и бросанием в нас камнями и грязью. Вдобавок к сему мучению дали нам предурную квартиру: на голом полу принуждены были за худой погодой пролежать двое суток. Во все это время турки не переставали нас беспокоить, так что один из старших турок принял в нас участие и отгонял сих злодеев несколько раз от окошек. К счастью нашему, мы рано вышли из сего прокля-

⁸⁸ Огера – у нынешней албано-югославской границы.

⁸⁹ Монастырь (Монастир), иначе Битоль, – город в Македонии (Югославия).

того места, а то досталось бы нам еще; дорога была грязная.

18 февраля прибыли в Прилеп⁹⁰. Он окружен лесами и населен болгарами, кои встретили нас с неописанной радостью, чего никак мы не ожидали. Хотя квартирой нашей был сарай, но, впрочем, мы очень были довольны. Добрые жители принесли нам мяса, вина (не красна изба углами, а красна пирогами), и, к нашему счастью, пробыли мы здесь двое суток. Добрые болгары брали столь живое участие в горестном нашем положении, что наши стражи, приметив это, отгоняли их от нас палками.

Слава богу! Ноги отдохнули; погода была прекрасная. Кажется, все нам благоприятствовало, как один проклятый провожатый подъезжает ко мне и требует у меня платок с шеи. Я прошу оставить его требование, но вижу – он вынимает ятаган, и я, не дожидаясь комплиментов, отдал ему требуемое. До сего считал я себя счастливым против товарищей моих, у которых было уже все отобрано: видно, дошла очередь и до меня. Однакож я взял свои меры: выучил наизусть их песню и по приказанию солдат и аги пел, когда им было скучно; таким образом, угождая им, не платил пошлины.

Таким образом, продолжая напевать, да подпевать, да выдумывать разные проказы, кои отчасти были мне знакомы с детства и весьма теперьгодились, продолжал я путь с большой выгодой против моих товарищей.

⁹⁰ Прилеп – македонский городок к северо-востоку от Битоля. (Югославия).

19 февраля пришли в город Крюперли⁹¹, при подошве горы, населенный турками; греков и болгар немного. Он зависит от Али-паши. Город большой и многолюдный; нас порядочно покормили и... поколотили.

20 февраля прошли крепость Йштип⁹², построенную на горе.

21 февраля находились в небольшом городе Родовиште⁹³, заселенном на равнине, простирающейся верст на семь вокруг и кончающейся высокими горами. Природа обогатила местоположение это всеми прелестями и украсила обработанными полями и виноградниками; жители – болгары. Мы отгостили у них, по врожденному их состраданию к несчастным, довольно хорошо. Здесь заслуживает внимание кладбище: каждая могила обсажена кипарисом и топодем, что вместе составляет прелестнейшую рощу, испещренную мавзолеями. Такие кладбища должны быть во всей Турции по закону алкорана⁹⁴; деревья сажаются у головы, которая всегда кладется обращенной к Мекке, и у ног. Мнение народа таково, что ежели деревья эти не примутся, покойника считают недостойным быть в раю с Магометом. Христиане также следуют сему обычаю: насаждают деревья при могилах сво-

⁹¹ Крюперли (правильно Кёпрюлю), теперь Велес, – македонский город к северо-востоку от Прилепа (Югославия).

⁹² Иштип (Штип) – македонский город к востоку от Велеса (Югославия).

⁹³ Родовишт (Радовиште) – македонский город к юго-востоку от Штипа (Югославия).

⁹⁴ Алкоран, коран – священная книга мусульман.

их, но только не кипарисы, ибо они исключительно принадлежат туркам.

22 февраля ночевали в городе Стромице⁹⁵. Достоин похвалы устройство и повиновение народа к начальникам. Ни один турок не осмелился подойти к нам без дозволения. Кормили нас довольно изрядно, и квартира была порядочная. Время нам к пути благоприятствовало; только наша одежда едва уже прикрывала наготу, и что было покрепче, то отнято нашими сторожами. Вчера бедные мои пуговицы были оторваны сторожом, который уверял меня, что они золотые, и никак не верил, что медные: этого зверя, одного из провожатых, не мог я сделать к себе великодушным и сострадательным.

23 февраля, пришли в Петриче⁹⁶, большой и многолюдный город, окруженный каменной стеной. Нужда заставила меня время отдыха употребить на выделывание деревянных застежек вместо пуговиц и, таким образом, привязав к веревочкам палочки, соорудил порядочно оборванный вицмундир свой и потом показал злодею мое положение, до коего он довел меня. Он усмехнулся и одобрил, сказав: «Мудрен, собака!» Кормили нас хотя дурно, но мы были спокойны со стороны обид.

⁹⁵ Стромица (Струмица) – македонский город к югу от Радовишта (Югославия).

⁹⁶ Петриче (Петрич) – болгарский город в низовьях реки Струмицы (юго-западная Болгария).

На другой день, при пасмурной погоде, отправились в город Демисар⁹⁷, окруженный высокими горами: на некоторых видны были развалины крепостей; сам паша приходил нас смотреть, разговаривал с нами ласково и велел накормить и не обижать; но по выходе из города все-таки каждому досталось удара по два палкой по спине, а бедному нашему доктору разбили сверх того камнем нос.

25 февраля, при хорошей погоде и прекрасной дороге, но с худыми сапогами, прибыли мы в большой и торговый город Севас⁹⁸. В нем паша имеет великолепный дворец в азиатском вкусе. Любопытствуя видеть нас, приказал он привести к себе на двор, где окружила нас его гвардия и народ. Сам же он с своей свитой смотрел на нас из великолепной галереи. Между тем шуты, принадлежащие его особе, бегали около нас и забавляли его разными кривляньями.

По окончании сего парада, препроводили нас с криком, шумом и барабанным боем в сарай (обыкновенную нашу квартиру на станциях). Мимоходом заметил я великолепные торговые лавки с хорошо расположенными товарами. В это время было там множество войск, собранных пашой против Георга Черного⁹⁹, и все это валилось нас смотреть. Тут мы

⁹⁷ Демисар (правильно Демирхисар) – македонский поселок в северо-восточной Греции, к северо-востоку от Салоник.

⁹⁸ Севас – название искажено: правильно Серее.

⁹⁹ Георг Черный – Карагеоргий, вождь сербских повстанцев, предок сербской королевской династии Карагеоргиевичей.

испытали все неприятности, какие только можно себе вообразить, особливо устав от дальнего перехода. День был жаркий, томительный; мы были измучены совершенно и даже в отчаянии от сих наглцов. Дерзость одного из них простиралась так далеко, что он пнул нашего офицера, ругая его сколько можно более, и привел нас, давно уже привыкших к подобным поступкам, в ожесточение — я забыл сам себя и ударил этого басурмана так крепко, что он полетел стремглав. В минуту засверкали сабли, и я получил такой сильный удар в голову, что упал без памяти; но дело этим бы не кончилось, если б, по счастью, не случился тут француз, служащий в турецкой артиллерии; он умел привести все в порядок и утишить волнение.

Не имев во весь день и ночь покоя, отправились мы в дальнейший путь; меня же по болезни посадили на осла. При выходе из города народ не упустил случая попотчевать нас палками и грязью, и опять более всех досталось доктору; его треугольная шляпа казалась им смешной, и мы неоднократно просили его скинуть ее, а надеть какую-нибудь скуфейку, чтобы избавить себя и нас от побоев; но он был упрям и терпел за то до самого Цареграда.

Версты две дорога продолжалась аллеєю, насаженной престарелыми кипарисными деревьями. По выходе из оной представилось нам прелестное поле, на которое природа истощила, кажется, все дары свои. Потом дорога привела нас к высочайшим горам, где между оврагами прошли мы рас-

стояние часов на восемь времени: Поистине искусный живописец не в состоянии изобразить этих скал, висящих над нашими глазами, на которых дикие кустарники и разного рода деревья, переплетаясь между собой, пустили корни и отрасли свои через трещины камней по бокам глубоко в овраги.

Таким образом дошли мы до фонтана и караван-сарая¹⁰⁰, за два года перед сим построенных одним пашой. Вода течет с высоты гор, клубится, кипит и падает через несколько каменных порогов в глубокую яму, которая обведена мраморной стеной с четырьмя кранами, при коих висят на цепочках ковшики. Старец вышел к нам навстречу и утолил жажду нашу. Стена вся исписана турецкими золотыми буквами, означающими имя строителя и год. Сей почтенный старец с участием смотрел на нас и, заметив, что я болен, из сострадания вынес мне кусок хлеба, за что я очень его благодарил, ибо два дня ничего не ел. Вскоре закричали наши провожатые «гайда!» и мы расстались с ним.

Вдали сквозь долину открылся прелестный вид города Мири¹⁰¹, лежащего на берегу Архипелага¹⁰², а в правую сторону видны были острова Имбро и Самондраки¹⁰³; потом показались корабли, и верно, русские; но вместо радости про-

¹⁰⁰ Караван-сарай – постоянный двор в скотоводческих районах Передней Азии.

¹⁰¹ Мири – приморский поселок на северо-восточном берегу Эгейского моря.

¹⁰² Архипелаг – здесь Море-Архипелаг (Эгейское море).

¹⁰³ Имбро (правильно Имброс), принадлежит Турции. Самондраки (правильно Самофраки), принадлежит Греции.

извели они на нас горестное ощущение; я почувствовал всю жестокость своей участи, представляя себе соотечественников своих, сотоварищей, торжествующими владыками сих морей, страхом мусульман, а себя в рубище, в самом жалком, низком положении, страшащимся ежеминутно умереть от голода, изнурения или, подобно собаке, от руки последнего турка в забаву его или из презрения...

К вечеру пришли в город Мири; квартиру дали нам, как обыкновенно, самую скверную и по куску хлеба, и то дожидались, пока собрали с домов объедки; но нас это уже не беспокоило, мы к тому привыкли – только бы поскорее отдохнуть и быть готовым к маршу. Наутро, слава богу, мне гораздо было лучше, и кажется, я сделался крепче. Погода нам благоприятствовала: верст восемь шли аллеею из оливковых деревьев вдоль моря.

В 6 часов пополудни прибыли в небольшой город Фериеи¹⁰⁴, обведенный каменной стеной и очень бедный. Не понимаем, по каким причинам наш ага расположился здесь на двое суток. В эти два дня мы получили по маленькому куску хлеба, а квартира была самая несносная, без пола, полная сору, паутины и мышей; вместо разбитых стекол, на случай нашего прибытия приколотили к окошкам доски; мы и тому были рады, ибо они препятствовали черни плевать на нас.

Один дерзкий турок вошел посмотреть нас в то время, как я спал и своей шляпой прикрыл лицо; без всяких церемо-

¹⁰⁴ Фериеи – правильно Фереджии.

ний он чубуком столкнул с лица моего шляпу. Я проснулся и сказал с досадой: «Что тебе надобно?» – «Купек», отвечал он мне с презрением (то есть, собака). Разумея эти слова, я усмехнулся и он тоже, назвав меня опять гяуром (неверным). Мы с товарищами засмеялись таким приветствиям, за которые попросил я у него табаку; он дал мне его довольно щедро, и мы закурили с ним трубки. Потом он пошел домой и вскоре принес кусок сырого мяса и бросил мне; мы растерзали сей кусок на части и тотчас изжарили на палочках.

Двухдневное отдохновение, а более диета, хотя и невольная, совершенно поправили мое здоровье.

На третий день, при холодной и дождливой погоде, дошли до реки Морища¹⁰⁵. Тут принуждены мы были дожидаться за скопившеюся при переправе многочисленной конницей Измаил-бея¹⁰⁶. Хотя ожидали мы много себе обид, побоев, ругательств от необузданных разбойников, но, кроме обыкновенной брани, ничего не получили; некоторые даже давали нам хлеба. Через два часа переправились, и мы и вскоре прибыли в большой город Кешан¹⁰⁷, лежащий на горе и окруженный также стеной, от которой до подошвы горы простираются обработанные поля. Вид прекрасный. Жители большей частью греки; квартиру мы имели изрядную и кормили нас довольно хорошо. Здесь услышали мы, будто англичане

¹⁰⁵ Морища, река – название искажено; вероятно – Марица.

¹⁰⁶ Измаил-бей – глава янычар.

¹⁰⁷ Кешан – селение к востоку от устья Марицы, в Европейской Турции.

прошли Дарданеллы и сожгли турецкий флот¹⁰⁸.

10 марта прибыли в небольшое селение Молтжери, разоренное от междоусобной брани; квартирой нашей была тюрьма, но кормили нас изрядно и огня было довольно, следовательно и обсушиться было время. На другой день в 4 часа утра отправились далее; дорога была хорошая и день ясный. Через пять часов вышли на вид Мраморного моря и, наконец, достигли торгового и приморского города Родоса¹⁰⁹, лежащего при проливе. Вид прекраснейший. Природа не поскупилась убрать его всеми красотами; и в самом городе дома и улицы очень хорошие, множество лавок, набитых товарами. Нас вели по всем улицам, как будто для показа. Стечение народа было вокруг нас ужасное; чернь приметным уже образом становилась образованнее, хотя и не ласковее; но крайности мы не имели обид. Кормили нас порядочно, и квартирой были довольны; только во все время любопытные не отходили от окошек.

На другой день, 12-го числа, время также было хорошее; но утро было очень холодное, а ветхое наше платье, едва прикрывавшее наготу, не защищало от холода и ветра. В 10 часов утра прибыли на постоялый двор, принадлежащий одной сумасшедшей женщине, бывшей наложнице султана. Она поблизости имеет свой замок и земли. Узнав о прибы-

¹⁰⁸ Слух этот был неверен.

¹⁰⁹ Речь идет, конечно, не об островном городе Родосе, а о городке Родосто (Текирдаг) у Мраморного моря, в Европейской Турции.

тии нашем, прискакала вооруженная, как мужчина, и с открытым лицом, в пребогатейшем платье и, чуждая нежности, свойственной прекрасному полу, исполнена дерзости и жестокости, не дав отдохнуть и не накормив нас, велела выгнать из селения. Ага и прочие провожатые, не смея противоречить, принуждены были вести нас далее. По крайней мере, дорога была не скучна: все заняты были проклинанием этой женщины и от турок ей досталось.

Наконец, прибыли в приморский город Селиврию¹¹⁰. На пути до одного турок, наевшийся опия, пристал к нам и в сумасшествии, подобно пьяному, делал большие забиячества как с нами, так и с товарищами своими. Никто из провожатых не мог его унять; одного покусившегося на то ударил он по голове ятаганом, просек скуфейку и шаль, а другого чуть не убил досмерти из пистолета – к счастью, не попал в него. Не знали, как отделаться от такого товарища. Наконец, решились связать его, выколотили по пятам палками и оставили больного на дороге.

Город сей также имеет приятный вид и многолюден.

Квартирой был нам сарай, кормили досыта.

14-го отправились в путь: дорога и день были прекраснейшие, повсюду представлялись обработанные поля и виноградные сады. Через шесть часов прибыли в селение, где дали нам позавтракать, и таким образом приготовили вести в столицу. Мы весьма радовались скорому концу нашего

¹¹⁰ Селиврия (Силиври) – приморский городок между Родосто и Стамбулом.

несчастья. По крайней мере, избавимся, думали мы, от ежедневных побоев и беспрестанной опасности жизни.

Прибытие наше было уже известно в Стамбуле. У шлагбаума мы были встречены вновь присланными для конвоя янычарами¹¹¹, а старые должны были сдать нас у ворот. Приняв нас, они, по обычаю, осмотрели наши карманы, и что осталось не взятого старыми, отнято было новыми, даже и платки с шеи не постыдились стащить, варвары.

Представьте теперь наше положение: в изорванном платье, босиком, на голове тряпки, обросшие бороды, бледные, сухощавые лица, неизвестность будущего... Народ по улицам дожидался нашего шествия; нас разделили попарно: к каждой паре приставили по четыре янычара и одного впереди адабаша, то есть сержанта.

Таким образом растянули линию, дабы уверить народ, что взято много, и даже старались разглашать, что взяли нас сопротивляющимся в Албании, которую хотели мы покорить.

Наконец, привели нас на двор к визирю и поставили попарно. Таким образом дожидались мы около часа. Двор и дом преогромные. Народу вокруг нас собралось множество; караульные наши стояли с дубинами и с ятаганами, а некоторые из чиновников и с плетями: признаться, не без ужаса по-

¹¹¹ Янычары (турецкое *yeniceri* – новое войско) – регулярная пехота, созданная в XVII веке султаном Орханом из христианских мальчишек, насильственно обращенных в ислам; позднее превратилась в военную касту, терроризовавшую турецкое правительство и население и активно вмешивавшуюся в политику; была истреблена султаном Махмудом II в 1826 году.

смастривали мы на них. Вдруг шум в толпе утихает, является на балконе визирь. Посмотрев на нас и не спрося ни слова, сделал он знак чубуком, и нас повели на приготовленные барказы для переезда через залив мимо Перы и Галаты¹¹².

Вскоре привезли нас на каторжный двор, называемый курень, или банья. Пройдя несколько ворот за караулом, дошли до последних; там заковали нас в железо попарно; но как я по жребию остался один в почетах, то принадлежащие двум кандалы должен был принять один.

Наконец, отворились и последние железные ворота; тюремщик, сосчитав нас, закричал: «гайда!», указывая на тюрьму. Боже мой! Какое зрелище представилось нам. Темнота, смрад, грязь, и по углам слышались стенания и вздохи. То были бедные русские больные и израненные. Немедленно бросились мы к ним с вопросами, откуда они и каким образом попали в адское сие место. Потом потужили вместе, породовались и посмеялись...

На другой день меня сковали с донским казаком Ивановым, предобрым человеком, и в таком положении более месяца шеголяли мы с ним в железах. Наконец, узнавши, что мы офицеры, через разные посторонние доказательства, а не по одежде, ибо мы были в совершенном рубище и обросли бородами, турки заковали нас поодиночке.

¹¹² Пера и Галата – два района, составляющих так называемый Новый город Стамбула, где сосредоточено нетурецкое население и расположены важнейшие торговые предприятия.

Тюрьма представляет большое четырехугольное каменное здание. Оно выстроено нарочно для государственных преступников и разделено на два этажа, из коих верхний – род полатей, поддерживаемых столбами, с прибитыми к ним цепями, на кои сажают самых важных преступников, а прочие все до единого человека скованы попарно. В наше время преступников находилось до шестисот человек, да пленных русских, более из драгун, двести. Свет в тюрьму проходит из слуховых окошек и из дверей, а по стенам окошек нет. Против дверей отгорожен небольшой уголок для греческой церкви. Каждое воскресенье для службы приходит греческий священник, которому строго воспрещено, впрочем, иметь какие-либо сношения с узниками. В другом углу в стене находятся два крана с водой для питья с двумя медными кувшинами на цепочке. Всего несноснее, что тут же немного в сторону отведено место для всякой нечистоты, которая не прежде как через неделю очищается: ужасное зловонье исходит из сего места.

Каждое утро, в 6 часов, узники ходили на работу в адмиралтейство, не снимая желез, кроме нас, офицеров, и ввечеру в 7 часов возвращались в тюрьму и получали по два небольших хлебца и кашницу из круп и воды. Тюремщики в это время считают число людей, потом еще выгоняют вон и опять пересчитывают и, наконец, запирают железные двери. Один из каторжных определен старшиною – смотреть за внутренним спокойствием; через каждые три часа к две-

рям подходит дозор человек из двадцати находящихся при тюремщике янычар, и, перестав бить в барабан, тюремщик спрашивает Кириаки (имя внутреннего старшины), хорошо ли все. Он отвечает: хорошо, и все закричат «ишалла». Всю ночь продолжают ходить кругом тюрьмы и бить в барабан, поутру пересчитывают вновь и выгоняют на работу.

Здесь также производится казнь над преступниками: им рубят головы и удавливают; накануне рокового дня заковывают их кругом. Некоторые остаются здесь в заключении вечно. В то время как бунт в Константинополе возгорелся против султана Селима¹¹³, мы были еще в тюрьме. Можно представить себе, в какой опасности мы тогда находились. Ожидали каждую минуту, что бунтовщики, восставшие против всего европейского, вломятся к нам в тюрьму и перерубят нас всех. Каждый выстрел, глухо отдававшийся в сводах нашей преисподней, казался нам предтечею нашей гибели; три дня не смыкали мы глаз от страха. Но бог помиловал – буря обошла нас и рушилась над визирем и вельможами: они были изрублены в куски и не могли спастись никоим образом.

Государь император Александр повелел через датского агента давать нам содержание, которое и производилось офицерам по пиастру, а рядовым вполовину. До сего совер-

¹¹³ «...Как бунт возгорелся против султана Селима». Этот бунт завершился убийством янычарами султана Селима III, пытавшегося провести ряд реформ, в том числе заменить янычар новым регулярным войском.

шенно терпели мы голод, получая один маленький хлебец и будучи изнурены побоями и усталостью. Подконец, сверх того, я нечаянно открыл еще способ помогать себе и любезнейшим моим товарищам: выпросив красок и бумаги, нарисовал я однажды маленький морской эстампец для турка, которому чрезвычайно он понравился; после сего многие турки приходили меня видеть и просили рисовать, задавая мне свои мысли. Я рисовал всегда, что турецкий корабль разбил трех английских и несколько французских; за это получал деньги, а иногда и съестное, которое делил с товарищами; сверх сих выгод, для рисовки выводили меня из тюрьмы – и я пользовался еще чистым воздухом. Таким образом напоследок жили мы безнуждно...

Гибель Российско-Американской компании корабля «Нева»¹¹⁴ на северо-западном берегу Америки, у мыса Эджкома¹¹⁵, в широте 57°11' 9 января 1813 года

В ноябре 1813 года, возвратись из Японии в Камчатку, нашел я в Петропавловской гавани флота лейтенанта Подушкина и некоторых других чиновников, бывших в службе Российско-Американской компании и находившихся на корабле «Нева» во время крушения оного. От них получил я сведения касательно несчастного сего кораблекрушения и по обыкновению моему записал оное со всеми подробностями в журнал свой. Следующее повествование взял я из моих записок и при составлении оного воспользовался также заме-

¹¹⁴ Сей корабль знаменит в летописях российского мореплавания: на нем, под командой капитана Лисянского, а под главным начальством И. Ф. Крузенштерна, русские совершили первое путешествие вокруг света. Он же был употреблен к содействию компанейской рати, под предводительством коллежского советника А. А. Баранова, при покорении колоужинской крепости на острове Ситхе.

¹¹⁵ Cape Edgесumbe – так сей мыс назван англичанами и под сим именем стоит на их картах; но русские, в Америке живущие, дали ему имя Трубицына, в память боцмана, служившего с Чириковым и умершего у здешних берегов.

чаниями Василия Николаевича Берга¹¹⁶¹¹⁷, некогда служившего на флоте и совершившего путешествие вокруг света. Впрочем, не все путешествия, случившиеся в плавании корабля «Нева» из Охотска до Америки и при самом кораблекрушении, я описал так, как они помещены у сего почтенного человека; он писал с показания, как и сам говорит, Терпигорева, который тогда был отставным кадетом из морского корпуса и ехал в Америку с дядей своим, коллежским советником Борноволовым. Ни по званию его, ни по летам не мог он приобрести той опытности, которую нужно иметь, чтоб безошибочно судить о морских происшествиях, а особливо при кораблекрушениях; бывали примеры, что и людям совершенных лет нос корабля казался кормой, и потому-то я думаю, что мое описание, составленное со слов не одного лица, а многих, рассказывавших в присутствии друг друга, будет ближе к истине.

Главный правитель компанейских колоний, коллежский советник Баранов, проведя в Америке непрерывно двадцать лет, желал под старость возвратиться в отечество, чтоб остаток жизни провести в кругу родственников и друзей; на сей конец просил о назначении ему преемника. Тогда пред-

¹¹⁶ Имя Берга хорошо известно публике по разным его любопытным и общепользным сочинениям. Описание сего кораблекрушения напечатано им особой книжкой под заглавием: «Описание несчастного кораблекрушения фрегата Российской Американской компании «Нева».

¹¹⁷ Речь идет о Василии Берхе, авторе «Хронологической истории открытия Алеутских островов или подвиги Российского купечества», СПб., 1823.

ложил компании свои услуги коллежский советник Терентий Степанович Борноволоков. Летом 1812 года прибыл он в Охотск.

Для доставления Борноволокова в Америку директоры назначили корабль «Нева», над коим начальство поручили флота лейтенанту Подушкину. Офицер сей служил с похвалой в Средиземном море, во флоте, бывшем под главным начальством вице-адмирала Д. Н. Синявина. Помощник у него был штурман 9-го класса Калинин, совершивший да том же корабле путешествие вокруг света. Он был весьма искусный мореходец и самый прилежный к своей должности, неутомимый офицер. Сверх вышеупомянутых чиновников, на корабле «Нева» находилось состоявших в компанейской службе разночинцев четырнадцать человек и промышленников пятьдесят шесть человек, да четыре женщины – жены и дочери компанейских служителей.

В последних числах августа 1812 года корабль «Нева» отправился с охотского рейда в путь при северозападном попутном ветре, который, однакож, недолго ему благоприятствовал. Вскоре наступили противные ветры. С небольшой переменной дую от разных румбов компаса, они препятствовали успешному плаванию несчастного корабля и впоследствии были главной причиной его крушения и гибели многих из экипажа. Лейтенант Подушкин плыл поблизости Алеутских островов, по южную их сторону, но так неудачно, что не прежде как 6 ноября увидел американский берег в окруж-

ностях залива Якутата¹¹⁸.

Впрочем, хотя плавание их от Охотска было необыкновенно продолжительно, судя по времени года, когда в высоких широтах господствуют большей частью ветры западные, но, по крайней мере, не случилось с ними никакого несчастья, а с прибытием на вид американских берегов, во-первых, оказался недостаток в пресной воде, а потом, 8 ноября ночью, при жестоком ветре с восточной стороны, сломило грот-стенгу и изорвало фок, грот и грот-марсель¹¹⁹. Доселе они старались войти в какую-нибудь из гаваней островов Кадьяка, или Уналашки; но теперь решились уже спуститься в первый способный порт, где бы он ни находился, и куда только ветер допустит.

Лейтенант Подушкин, никогда прежде не служивший на Северо-восточном океане и вовсе незнакомый с американскими берегами, дал полную свободу штурману Калинину, как мореходцу, коему здешний край хорошо был известен по прежним его плаваниям и опытам, вести корабль, куда он заблагорассудит, для общей их безопасности. Калинин принял «Неву» в свое управление, воспользовался ветрами и привел корабль в небольшую безопасную гавань Чугатской губы¹²⁰.

¹¹⁸ Залив Якутат, у 140° западной долготы.

¹¹⁹ Фок, грот и грот-марсель. Фок – нижний парус на передней мачте. Грот – большой прямой парус на нижнем рее средней мачты. Марсель – второй снизу прямой парус. Грот-марсель – второй парус на средней мачте.

¹²⁰ Чугатская губа (Чугацкий залив) или Чугач-залив – у восточного берега полуострова Кенай; на англ. картах Prince William Sound.

К несчастью экипажа, раздоры и несогласия, возникшие между старшими офицерами на пути до сего места, здесь еще более усилились. Подушкин предлагал перезимовать в сем порте, представляя неизбежную опасность, сопряженную с плаванием в зимнее время по морям бурным на старом, худом корабле, с поврежденными снастями, неполным комплектом парусов и с неопытным экипажем, между коими начали уже показываться разные болезни. Но Калинин был противного мнения: он думал, что зимование в столь свирепом климате, не имея удобного жилья, достаточной пищи и занятия для служителей, повергнет их в пагубную недейтельность и распространит между ними цынготную болезнь, которая, вероятно, лишит столь многих из них жизни, что корабль будет приведен в невозможность достичь какого-либо порта, обитаемого русскими. По сим причинам Калинин думал, что им надлежит непременно выйти в море и стараться достичь Ново-Архангельской крепости на острове Ситхе; господствующие при здешних берегах в сие время года северные и северо-западные ветра обещали ему успех.

Борноволоков должен был решить спор между двумя мореходцами; он долго колебался, наконец, решился последовать совету Калинина.

Вместе с утверждением плана Калинина поручено ему было и начальство над кораблем, ибо лейтенант Подушкин отказался от командования оным. Исправив корабль, сколько возможность и обстоятельства позволяли, Калинин около 1

декабря вышел в море и направил путь к мысу Эджкому, лежащему при самом входе в Ситхинский залив, где находится крепость Ново-Архангельск. Через три или четыре дня пришли они на вид высокой горы на сем мысу.

Но в первых числах декабря начались жестокие противные ветры, которые скоро удалили корабль от берегов и потом, переменяясь, носили его по волнам моря около месяца. В продолжение сего времени несчастный экипаж не столько страдал от холода, ненастья, свирепых бурь и недостатка пищи и воды, сколько от несогласия управлявших им, ибо раздоры и беспорядок на корабле между офицерами вселяли в нижних чинов недоверчивость к своим начальникам, и служители имели причину полагать, что офицеры не были уверены в своем искусстве и сами не знали, что делали. Я не думаю, что Терпигорев был прав, когда уверял Берга, что в иной день переменяли они пять раз курс свой: то шли в Ситху, то в Кадьяк, Уналашку или Якутат. Едва ли сыщется ныне в нашем флоте офицер столь малодушный, который бы с каждой переменной ветра переменял и порт своего назначения, чтоб только плыть с попутным ветром. Но мне известно, что на корабле «Нева» в это время господствовал совершенный беспорядок, а Борноволоков, не зная науки мореплавания, со всем своим умом, не мог решительно приказывать, что делать надлежало, и по необходимости следовал внушениям других, а посему повеления его часто переменялись. Однажды велел он править к Сандвичевым островам, о

которых читал в одном путешествии и пленился ими: мысль его была весьма основательна, но морские офицеры объявили ему, что на переход туда нет у них ни съестных припасов, ни пресной воды, о чем прежде, как человек не морской, он не догадался справиться.

Экипаж и пассажиры, глядя на своих старшин, также разделились на партии, которые между собою враждовали. Недоброжелатели прежнего командира, каковых всякий начальник более или менее имеет между своими подчиненными, старались даже распространить молву, будто бы он, назло Калинину, научал рулевых сбиваться неприметным образом с определенного курса, чтоб только запутать его в счислении пути. Но я, с моей стороны, никак этому не могу поверить: не говоря уже о таком поступке в отношении крайней его подлости, собственная безопасность заставила бы каждого воздержаться от оногo; да и рулевые, зная, что целость корабля и собственная их жизнь зависят от верности счисления, никак не согласились бы исполнить столь пагубное приказание. Надобно сказать, что корабль в море некоторым образом уподобляется маленькому государству, независимому от постороннего влияния. Если на нем, от слабости и неблагоразумия управляющих, прекратится повиновение одному, тотчас обнаружатся характеры, которые в подобных обстоятельствах мы видим на большом театре света. Дела на корабле находились в таком горестном положении, пока судьба не положила конца им самым ужасным корабле-

крушением.

8 января 1813 года вскоре по захождении солнца увидели влево высокий берег, по счислению и заключениям Калинина, основанным на астрономических наблюдениях, в полдень сего числа взятых, долженствовавший быть мыс Эджком. Берег открылся точно таким образом и в самое то время, как ожидал Калинин, и потому он, в полной уверенности, что наблюдения его были верны, не хотел упустить тихого попутного ветра и решился, пользуясь оным, плыть в продолжение ночи в Ситхинский залив, чтоб быть готовым тотчас по рассвете войти в порт Ново-Архангельск. Наружный вид берега, знакомый Калинину по прежнему его здесь плаванью, уверил его еще более в точности счисления; он нимало не сомневался, что видит гору Эджком, по положению коей определив курс, оставался покойным. Ветер дул умеренно, и корабль шел от 3 до 4 миль в час.

Ночь была довольно темна, но позволяла увидеть берег на таком расстоянии, что без всякой опасности можно было от него отворотить, ибо он в сем месте чист и приглуб.

В полночь они видели берег и продолжали идти тем же курсом; наконец, когда нашла пасмурность с дождем и закрыла берега, Калинин и тогда велел продолжать тот же курс.

Трудно изъяснить причину, которая в это время руководствовала Калининым. Он поступил против всех правил морского искусства, и тем более в Ситхинском заливе, где находится много камней наравне с водою и подводных, и есть

довольно сильный прилив, действующий неправильно; следовательно, одни только опытные местные лоцманы, коих здесь вовсе нет, могут принимать в соображение действие течений. Все сии обстоятельства, конечно, были известны Калинину, и потому я думаю, что весьма худое состояние, в котором находился корабль, заставило его отважиться на столь опасный и при лучших обстоятельствах неблагоприятный поступок; он боялся, что если крепким ветром отнесет их опять от берегов, то они должны будут погибнуть в море, и для того решился во что бы ни стало не упускать благоприятного ветра, позволявшего ему войти в желанный порт.

Часа за два до рассвета (9 января) отчаянный голос с бака: «Земля вплоть перед носом!» сначала произвел страх, а потом замешательство по всему кораблю. Все кричали, бегали, суетились; все хотели управлять, советовать. Словом, произошел величайший беспорядок, какой обыкновенно при опасных случаях бывает в обществах, где нет единоначалия и подчиненности. Сперва хотели отворотить, но не знали, в которую сторону, и потому решились бросить якорь, которого канат в несколько минут весь высучило, ибо в испуге и второпях позабыли пристопорить его, как должно. После сего несчастья понесло корабль к берегу: экипаж пытался поворотить его, чтоб отлавировать от опасности, однакож без успеха: он стал на каменья вблизи огромного, неприступного утеса. Когда это случилось, ветер дул от запада очень умеренно, но вскоре после того на самом рассвете начал усили-

ваться и в самое короткое время рассвирепел чрезвычайно. Между тем на корабле как офицеры, так и из нижних чинов те, которые были посмелее и побойчее других, «умничали» и хотели повелевать, всякий по своим понятиям и на свой лад. Срубали мачты: это было нужно и сделано по-морскому. Насажали людей в барказ и хотели спустить оный на воду: это также иногда удается, когда делается порядком, без замешательства и при умеренном волнении. Но теперь, на несчастье экипажа корабля «Нева», волнением барказ был залит, и несколько человек на нем потонуло, в том числе женщины и дети. Сделали плоты из запасных стеньг, реев и других дерев, хотели на них искать своего спасения; но плоты сии разбило и разнесло волнением.

Других средств экипаж не испытывал, доколе около полдня волны не стали ломать корабля на части, а вскоре, совсем сокрушив его, и поглотили. Тогда всякий ухватился, кому за что случилось, и искал своего спасения на корабельных обломках. Но бурун, или прибой, у берега был столь велик, что многие из бедствующих, приплыв благополучно к берегу, были избиты волнами об утес и каменья или ушиблены членами корабля и замертво выкинуты на берег, а некоторые от сильных ушибов и ран даже лишились жизни. В числе сих последних находились Борноволокнов и Калинин; но прежний командир корабля лейтенант Подушкин спасся: он замертво был выкинут на берег и приведен в чувство попечением своих товарищей. Некоторые же, спасшись при ко-

раблекрушении, умерли уже на берегу. Из числа служителей и пассажиров корабля «Нева» остались в живых только двадцать пять человек; около пятнадцати умерли во время пути; все остальные погибли при кораблекрушении.

Спасенным попалась небольшая лодка, на которой двое промышленников достигли Ново-Архангельской крепости; тогда Баранов отправил к ним вооруженную помощь, которая их спасла и доставила в крепость.

Спасшиеся рассказывали о многих чудесах, случившихся при сем кораблекрушении, которые, впрочем, не заслуживают большого вероятия, во-первых, потому, что самые происшествия несбыточны, а во-вторых, что не все о них рассказывали одинаково. Например, будто те, которые при разбитии корабля имели на себе платье, были выкинуты на берег совсем нагие, и что они не помнят, как лишились одежды. Между тем я знаю, что лейтенант Подушкин, когда надобно было спастись вплавь, для легкости надел на себя китайчатую фуфайку и панталоны; его выбросило на берег, как выше сказано, замертво; но платье уцелело; странно только то, что оно хотя нигде не было изорвано, но между верхом и подкладкой набилось большое количество самого мелкого песку. Еще уверяли, что обшивная медь корабля волнением была так избита и смешана с песком и другими веществами, что превратилась в некоторый род руды, и показывали образцы оной; но я за три года до разбития корабля «Нева» имел у себя такой же точно кусок, подаренный мне Барано-

вым; кусок сей в числе многих найден на американском берегу у мыса св. Илии и был не что иное, как обыкновенная железная руда, округленная и сглаженная волнением.

Гибель императорского фрегата «Поллюкс» (под начальством капитан-лейтенанта Тротскевича) близ острова Унаса 25 октября 1809 года

Из многих кораблекрушений, при всех возможных обстоятельствах случающихся, нет ужаснее и достойнее большого сожаления тех, которые происходят от неизвестных мелей и подводных камней.

В нашем флоте экипажу фрегата «Поллюкс» определено было судьбою испытать всю жестокость такого кораблекрушения. Без ужаса и величайшего сожаления нельзя помыслить о несчастных, погибших на сем фрегате мореходцах. Военный фрегат, управляемый искусными офицерами, под руководством опытного лоцмана, при благоприятном ветре плывет у берегов своего отечества по известным водам, которые, однакож, покрывали гибельную гряду камней, утаившуюся от поисков проворливых, сведуших, неутомимых гидрографов. На эту ужасную гряду набегает он среди дня и через несколько часов, сошедши с оной, погружается на дно морское; а вместе с ним из двухсот тридцати двух человек экипажа сто сорок утопают, в том числе все офицеры, кроме

двух, делаются жертвами морских волн.

Описание сего кораблекрушения составлено мною из официальных донесений, которые даны мне были из министерского департамента.

Осенью 1809 года командиру фрегата «Поллюкс» капитан-лейтенанту Тротскевичу предписано было от высшего начальства принять под свой конвой восемнадцать транспортных и купеческих судов, нагруженных провиантом для финляндских крепостей и портов, и идти с ними в Свеаборг¹²¹. Конвой, по причине противного ветра, по пути зашел в порт Роченсальм¹²² и оттуда отправился на рассвете 25 октября при свежем благополучном ветре. До острова Лехты¹²³ фрегат прошел под препровождением лоцманов весьма хорошо и, оставив тут конвой, долженствовавший идти шхерами¹²⁴, сам пошел в открытое море за маяк Лакруне большим проходом и также под руководством лоцмана. Но в 2 часа пополудни, пройдя от маяка к западу около восьми итальянских миль, стал на мель. Фрегат имел тогда марсели, фок, грот и брамсели и шел по 7 миль в час. Первый удар о камня был столь жесток, что он лишился руля и отбило часть

¹²¹ Свеаборг (Суоменлинна) – крепость на островках у входа в гавань Хельсинки, столицы Финляндии.

¹²² Порт Роченсальм – гавань на северо-восточном берегу Финского залива.

¹²³ Остров Лехта – один из восточных островков у морских берегов, в частности – у северных берегов Финского залива.

¹²⁴ Шхеры – цепи скалистых островков у морских берегов, в частности – у северных берегов Финского залива.

киля от самого стема¹²⁵ до грот-мачты.

Весьма естественно, что неожиданное это происшествие сначала распространило в экипаже страх и беспорядок, которые, однакож, присутствием духа и благоразумием капитана и офицеров были тотчас прекращены, и команда пришла в полное повиновение. Капитан немедленно приказал спустать гребные суда и завозить верпы. Между тем со всех сторон сыпались угрозы и укоризны на бедного лоцмана, который, однакож, оправдывался, что несчастье это случилось на гряде камней, до того времени никому неизвестных: он был совершенно невинен, ибо опасной сей гряды не было означено ни на одной карте.

Когда два верпа были готовы, на фрегате, бросив в воду несколько пушек, начали вертеть шпилями завозы и сим средством скоро стащили его на глубину. Но, избежав одной беды, несчастные мореходцы подверглись другой, несравненно опаснейшей: фрегат начал сильно течь; не было другого средства спасти его, как только поставив у берега на мягкую мель. На сей конец капитан с беспримерной решительностью приказал отрубить кабельтовы и поставить формарсель, кливер и грот-стеньги-стаксель, приказав лоцману править к такому берегу, у которого есть песчаный грунт. Но малодушный лоцман до того оробел, что почти себя не пом-

¹²⁵ Марсель, фок, грот – см. выше примечание 87. Брамсель – третий снизу прямой парус на мачте. Стем – бревно, служащее основой носу корабля; иначе – форштвень. Грот-стеньги-стаксель: стаксель – верхний косой парус, без реев; грот-стеньга – второе колено средней мачты.

нил и не в силах был ни за что взяться; а потому капитан Тротскевич сам стал править к острову Унасу¹²⁶. Не дошедши, однакож, до него, в темноте фрегат вторично набежал на камень, и хотя в ту же минуту были закреплены паруса и брошен якорь, но фрегат вскоре волнением снесло с камней, и он очутился на глубине 12 сажен.

В это время показалась в нем страшная течь. Воду стали отливать помпами, ведрами, котлами; подвели под него паруса, но все было тщетно: фрегат начал опускаться на дно. Тогда капитан дал повеление людям оставить внизу работу и спешить наверх, а гребные суда приказал подтягивать с багштова к борту. Ветер между тем усилился и дул отменно крепко; а течь во фрегате до того увеличилась, что не успели еще подтянуть к нему гребных судов, как он столько погрузился, что борта сравнялись с поверхностью моря. Тогда-то наступила страшная роковая минута. Вода с ужасным стремлением хлынула во все порты и в самое короткое время наполнила фрегат, который в 9 часов вечера вдруг пошел, как камень, ко дну. Служители в это время, со слезами и воплем принося последние мольбы и покаяние богу, бросались во все стороны. Одни успели вскочить на гребные суда, другие в отчаянии хватались за что ни попало и, кидаясь в море, утопали, а некоторые, будучи расторопнее и легче прочих, пустились на верхи мачт и успели уйти от воды, добравшись

¹²⁶ Унас – небольшой остров в поясе шхер.

до стеньг-вант¹²⁷, которые, когда фрегат стал на дно, были выше морской поверхности. Число сих последних прости-ралось до пятидесяти четырех человек, между коими находились повествователь злосчастливого сего кораблекрушения шкипер Шестаков, 3-го морского полка подпоручик Корзунов, мичман граф Толстой и констапель¹²⁸ Савин. Но граф Толстой недолго держался: он потерял силы, упал и утонул. Из гребных судов барказ и два яла, будучи волнением отбиты от фрегата, были столь счастливы, что достигли благополучно дальних подветренных островов, а катер во всю ночь держался против волнения на веслах.

Часа через два после рассвета 26 числа катер, усмотрев, что на стеньг-вантах находились люди, приблизился к фрегату и своим появлением, так сказать, дал новую жизнь бедствующим мореплавателям, которые, сидя на вантах, переносили ужасный холод и каждую минуту ожидали, что ветер еще усилится и поднимет большие валы, которые сорвут их с вант и унесут в море. К большому еще несчастью, имели они с собою весьма неприятного и опасного соседа: медведь, служивший прежде им забавой, взошедши теперь на крюсалинг, несколько времени сидел смирно; но оттого ли, что озяб, или от голода начал спускаться и садиться людям на головы, прижимаясь к ним, отчего они были в беспрестан-

¹²⁷ Стеньг-ванты (стеньванты) – смоляные веревки или тросы, поддерживающие стеньги.

¹²⁸ Констапель – см. примечание 23 на стр. 503.

ном движении и страхе.

Хотя катер подъехал к потонувшему фрегату весьма близко, но долго не находил средств спасти бедствующих, ибо большое волнение и бившиеся от него реи препятствовали ему подойти вплоть к стеньг-вантам, чтоб забирать с них людей. Наконец, шкипер Шестаков решился кое-как, посредством леера¹²⁹, протянутого от грот до крюйс-стеньг-вант¹³⁰, сесть на катер и, взяв с такой же осторожностью около десяти или двенадцати человек, отвез их на ближайший остров Питколод¹³¹ и возвратился к фрегату за другим отрядом. Таким образом перевез он всех остававшихся на вантах в пять раз. Подпоручик при сем случае совершенно исполнил свой долг, ибо он оставался со служителями до конца и переехал с последним отрядом. При выходе на берег также встретили они затруднение и даже опасность от волнения, разливавшегося сильно по камням. Для сохранения катера люди должны были входить по пояс в воду и поддерживать его на руках. Шестаков, для примера нижним чинам, сам находился с ними на воде и работал. Вскоре по прибытии на берег умер констапель, который привезен был уже без памяти.

С острова Питколода спасшийся остаток экипажа переехал на маяк Лакруне, где оставался одни сутки без пищи и лишился трех человек, умерших от холода и изнурения.

¹²⁹ Леер – туго натянутая веревка.

¹³⁰ Крюйс-стеньг-ванты – веревочные лесенки выше марсовой площадки.

¹³¹ Остров Питколод – небольшой остров в поясе шхер.

Потом на своих гребных судах переехали они на остров Лехту и получили там помощь съестными припасами с галета¹³² «Пчела». На Лехте пробыли они, по причине крепкого ветра, трое суток, а напоследок, 30 октября, доставлены были в Роченсальм, где по справкам определено было число погибших (140) и спасшихся (92).

Если бы капитан Тротскевич помышлял только о спасении людей, то когда, при первом ударе фрегата о камень, увидел он, что часть киля была оторвана и что он не мог уже долго держаться на воде, надлежало бы ему положить якоря и срубить мачты, чтоб фрегата не снесло на глубину, и перевозить людей на гребных судах. Но он в сем случае заботился более о своей чести, нежели о жизни, и поступил, как должно искусному и неустрашимому морскому офицеру: он не хотел вдруг оставить вверенного ему фрегата, а желал испытать все, что было можно и должно для спасения его. Опыт имел пагубные следствия, но капитан не был виноват, а напротив, поступок его достоин удивления и подражания.

¹³² Галет (галиот) – небольшое парусное судно.

Крушение 74-пушечного корабля «Тольская Богородица» на Черном море у берегов Мингрелии, при устье реки Копи, 8 декабря 1804 года

Гибель корабля «Тольская Богородица», в числе многих других подобных кораблекрушений, служит к убеждению мореплавателей, что на открытых рейдах больших морей никогда не должно полагаться на якоря, но всегда надлежит ставить корабль, если место и обстоятельства позволяют, в такое положение и держать его в такой готовности, чтоб при наступлении бури с открытого моря тотчас можно было вступить под паруса и удалиться от берегов. Эта осторожность особенно нужна осенью и зимой, когда бури бывают чаще, сильнее и продолжительнее.

Столь ужасные следствия сопровождали разбитие корабля сего, что из двухсот пятидесяти пяти человек, составлявших экипаж его, погибли восемь офицеров и сто пятьдесят нижних чинов, сверх коих утонули еще шесть человек солдат из числа сухопутных войск, на сем корабле привезенных, а остались в живых пять офицеров и девяносто два нижних чинов; из них, однакож, только двадцать восемь чело-

век спаслись при кораблекрушении, прочие же были столь счастливы, что съехали на берег до наступления бури.

Это пагубное происшествие показывает, что экипажу невозможно было при оном помышлять о спасении журналов и других корабельных бумаг, и потому нельзя было составить подробного описания сему кораблекрушению, а известие о нем взято с рапорта лейтенанта Викорста, одного из спасшихся офицеров.

2 октября 1804 года корабль «Тольская Богородица», под начальством капитана 1-го ранга Шостака, отправился с отрядом сухопутных войск и с провиантом к берегам Мингрелии¹³³, где правительство предполагало производить вырубку корабельных лесов для черноморских портов. Плавание корабля, по причине неблагоприятных ветров, было очень медленно, и он принужден был для получения съестных припасов и пресной воды зайти в местечко Платану, на берегах Анатолии¹³⁴, которое Викорст представляет местом для якорного стояния безопасным и изобильным во всех нужных для мореплавателей припасах. «Тольская Богородица» в Платане простояла тринадцать дней и 24 ноября отправилась в путь, а 2 декабря прибыла к берегам Мингрелии и стала на якорь против устья реки Копи¹³⁵, на глубине 8 1/2 са-

¹³³ Мингрелия (Мегрелия) – западная Грузия между низовьями рек Ингур и Рион.

¹³⁴ Анатолия – Малая Азия.

¹³⁵ Устье Копи – у берегов Колхиды (теперь Грузинская ССР).

жен, в 2 верстах от берега.

Шесть дней корабль стоял очень покойно; в это время главной заботой капитана было отправление на берег солдат и провианта, и он успел высадить весь привезенный им отряд и перевезти 600 четвертей муки и 32 четверти круп. Но 8 декабря с полночи ветер, дувший от запада, начал усиливаться и в самое короткое время превратился в жестокую бурю. В 6 часов утра корабль подрейфовало на расстояние трех кабельтов, и он очутился на глубине 4 1/2 сажен. Тогда стало его бить о дно страшным образом: выбило руль и пять портов нижнего дека с левой стороны; в то же время посредине корабля сделался перелом, «а через несколько минут после того рассыпало по мелким штукам всю часть корабля до нижней палубы, и только барказ и два катера находятся в целости на берегу, а из остатков корабельных вынута на берег 175 пудов железа».

Вот все, что находится в выписке из рапорта лейтенанта Викорса, присланной морскому министру, касательно сего крайне гибельного кораблекрушения.

В это же самое время на том же рейде разбился военный бриг «Александр», с которого погибло только семь человек, в том числе командир оногo капитан-лейтенант Влито, а спаслись семьдесят один человек. Экипаж брига был счастливее, вероятно, потому, что бриг, по малому его углублению, разбило ближе к берегу.

Крушение военного брига «Фальк», погибшего у Толбухина маяка, в семи верстах от Кронштадта 20 октября 1818 года

Страшна и жестока должна быть участь странника, погибающего среди снегов отдаленной пустыни, где нет никакого для него убежища, ниже селений, откуда мог бы он надеяться получить помощь; но стократно ужаснее и мучительнее гибель несчастного, который замерзает, так сказать, на пороге, на пороге собственного своего дома и для спасения которого стоило бы только отворить двери, если б домашние его, покоящиеся в сладком сне, знали о месте его пребывания. Подобную сей, горькую чашу суждено было испытать злосчастному экипажу брига «Фальк», разбившегося при самом входе в главный наш порт Кронштадт. Крушение брига описано флота лейтенантом Бестужевым¹³⁶ в журнале «Сын Отечества», из коего я взял это описание и помещаю здесь от слова до слова:

«Целое лето нынешнего 1818 года не было жестоких вет-

¹³⁶ Бестужев с успехом занимается словесностью: просвещенные читатели знают его по весьма приятному сочинению: «Записки о Голландии»; а ныне (1822), по повелению государственного Адмиралтейского департамента, занимается он сочинением российской морской истории.

ров: первая буря случилась 20 октября и, начавшись рано поутру от северо-запада с морозом в 3 1/2€, продолжалась почти до полудня 21-го числа. В продолжение сей бури, по известиям, дошедшим доселе, разбило английский купеческий корабль «Индастри», шедший из Бергена¹³⁷ с сельдями, у мыса Стирсудена¹³⁸, лежащего верстах в тридцати от Кронштадта по правую сторону Финского залива: люди с сего корабля с трудом спаслись на берег. Любекское¹³⁹ судно «Гофнунг», ушедшее с грузом из Кронштадта, близ Гогланда¹⁴⁰ брошено было на мель и едва спаслось рачением шкипера, который со всем тем принужден был воротиться в Кронштадт по причине великой течи. Два галиота русских потеряли мачты и один выбросило на берег на кронштадтском рейде. Русское судно «Магдалина», шедшее из Ливерпуля с солью, кинуло на мель на кронштадтском же рейде, сорвав оное с якорей. Это самое судно, будучи снято с мели, оказало такие повреждения и течь, что принужденным нашлось войти в гавань и остаться там на зиму для починок. Четыре лодки с зеленью и съестными припасами и один плот из бревен разбило на берегах; многие суда потеряли свои якоря.

¹³⁷ Берген – важнейший рыбопромышленный центр Норвегии и второй по значению (после столицы Осло) торговый порт страны.

¹³⁸ Стирсуден (Стирс-удде) – мыс при входе в Кронштадтскую бухту (у 20° восточной долготы) на северном берегу залива.

¹³⁹ Любек – один из трех германских вольных городов, в юго-западном углу Балтийского моря.

¹⁴⁰ Гогланд, остров в восточной части Финского залива.

Теперь приступаю к описанию важнейшего из всех сих несчастных приключений. Все мною изочтенное до сих пор состоит из обыкновенных только случаев, встречающихся с мореплавателями весьма часто.

22-го числа, по утешении немного сей бури и по прочищении пасмурности, с Толбухина маяка, отстоящего от Кронштадта верст на четырнадцать, сделан был телеграфом сигнал, что от него к западу военное судно терпит бедствие. Вследствие сего сигнала приказано было от военного губернатора и главного в Кронштадте командира вице-адмирала фон-Моллера отправить с дальней брантвахты гребное судно с офицером, чтоб разведать, где стоит это судно, и для подания ему помощи. Я был послан с потребными орудиями и достаточным числом людей.

Приехав уже к самому маяку, увидел я судно поблизости от него, вовсе затонувшее, у коего мачты были срублены, а над водой оставалась одна только кормовая часть. Подъезжая ближе, мне казалось, что люди, на нем находящиеся, протягивали руки и просили о скорейшей помощи, и потому я поспешил перегрести расстояние 100 сажень или немного более от маяка до судна, удивляясь, однакож, каким образом маяк, дав знать сигналом о судне, сам не подает доселе помощи, видя людей сих в таком положении.

Но какой ужас объял меня, когда, приблизясь к судну, увидел я множество людей замерзших и обледенелых в разных положениях: одни лежали свернувшись, другие в кучах,

третьи держались за борты, как бы прося о спасении. Первый предмет, поразивший меня, был лейтенант Щочкин, товарищ и приятель мой с самого малолетства, коего узнал я в ту же минуту, распростертый навзничь с обмерзлыми волосами и одеждой; за руку его держался денщик и, казалось, желал согреть оную своими руками; прочие люди лежали кучами, как бы в намерении согреть друг друга взаимной теплотой. Под одной кучей лежащих людей узнал я молодого офицера Абрютина, коего, вероятно, матросы хотели согреть собой; унтер-офицер был обложен подобным же образом; другой офицер, облокотись на борт, казался спящим. Все вообще имели вид спящих или умоляющих небо о своем спасении; одна мертвенная оцепенелость удостоверяла меня, что люди эти уже умерли, и я едва мог опомниться от нового мне чувства – большего, нежели страх, и сильнеешего жалости.

Скрепив, однакоже, сердце я думал было осматривать, нет ли еще живых людей, как приехала с маяка лодка, с коей меня известили, что старания мои будут бесполезны и что двое из сих несчастных, найденные в живых, давно уже сняты с судна. Осмотрев, однакоже, хорошенько и не нашед ничего, я вышел на маяк, чтобы разведать о сем приключении, и нашел там двоих спасенных: комиссара Богданова и унтер-офицера Изотова, столь слабых, что они едва были в состоянии отвечать на мои вопросы. Они объявили следующее:

Военный бриг «Фальк», нагруженный мукой, отправился 25 сентября из Кронштадта в Свеаборг под управлением

лейтенанта Щочкина 1-го, с мичманами Жоховым, Абрютинскими 2-м и 3-м, вышесказанным комиссаром Богдановым, штурманом Калашниковым, тридцатью пятью членами команды и пассажиркой, пожилой женщиной, с двенадцатилетним ее сыном. Вышед из Кронштадта с благополучным ветром, вскоре получили противный. Дувшие непрерывно западные ветры заставляли бриг несколько раз спускаться в разные места и останавливаться там на якоре. Дважды он стоял за Гогландом, дважды в Биорке¹⁴¹, раз за Сескаром¹⁴² и раз за мысом Стирсуденом. К сему последнему подошли они 12 или 13 октября. Лейтенант Щочкин, желая по назначению попасть скорее в Свеаборг и выполнить во всей мере долг свой, никак не хотел итти назад в Кронштадт, рассчитывая, что с первым, хотя немного благоприятным ветром он гораздо легче может сняться с якоря от Стирсудена, нежели из Кронштадта, из коего не при всяком ветре удобно выходить. В сем положении он стоял около шести или семи дней.

20-го числа началась буря; в 7 часов пополудни порыв северо-западного ветра, дувшего со снегом и морозом, был столь велик, что судно, стоявшее на одном якоре, потащило. Мичман Жохов, бывший на вахте, видя, что при достаточном количестве выпускаемого каната судно не перестает тащить, хотел бросить другой якорь на помощь первому и для

¹⁴¹ Биорке (Койвисто) – остров у северо-восточного берега Финского залива, близ входа в Кронштадтскую бухту.

¹⁴² Сескар – остров к югу от Биорке, против входа в Кронштадтскую бухту.

этого якорь сей, обыкновенно привязываемый горизонтально вдоль судового борта, был отвязан и оставлен вертикально в висячем положении, подвешенным к кокоре, называемой кранбалкою¹⁴³¹⁴⁴.

Лейтенант Щочкин, уведомленный о сем в ту же минуту, вышел наверх, отменил было кидать другой якорь, но, узнав, что оный висит уже на кранбалке, и зная опасность сего положения при качке, тотчас велел бросить.

Не напрасно было опасение Щочкина, вследствие коего он велел отдать якорь: обледеневшая веревка, на коей он висел, не могла в скорости быть развязана, надлежало ее рубить, и в это время якорь, раскачиваемый жестоким волнением, ударяя беспрестанно одним из своих рогов в судно, пробил обшивку, и вода хлынула в большом количестве по всему трюму.

Спустить якорь на кранбалку, обрубить мерзлую веревку и в это время получить от якорной лапы пролом было дело одной минуты. Шкиперский помощник первый увидел течь и известил о том начальника. Все меры против оной остались тщетными; наконец, после многих бесполезных усилий, решено было, отрубив якорь, спуститься прямо на Толбухинский маяк, видимый от Стирайудена, и стать там на мель,

¹⁴³ Кранбалки – два бруса на носу судна, с обеих сторон бушприта, для отдачи или подъема якоря.

¹⁴⁴ Якорь подвешивается на эту кранбалку посредством особенной веревки, продетой сверх каната в якорное кольцо. Когда веревку эту развяжут, якорь падает в воду и тащит за собою канат, который выдают, смотря по силе ветра.

чтобы, по крайней мере, можно было поблизости к берегу спасти людей. Отрубили канаты, распустили паруса, пошли. Течь начала усиливаться.

Отчаяние овладело всеми. Увещения начальника не действовали: близкая смерть и неизвестность, в состоянии ли будет судно дойти, не затонув, до маяка, сделала всех глухими к приказаниям. Начали прощаться между собою; все побежали переменять на себе белье по старинному русскому обычаю¹⁴⁵; наконец, вода в судне так распространилась, что переменявшие внизу белье – иные, но успев выскочить, остались там, другие выбежали в одних рубахах, и судно, не дошед саженой ста до маяка, село на дно, так однакож, что вода не покрывала верха судна.

Со всем тем волнение столь было жестоко, что бриг начало сносить с мели. Щочкин, опасаясь, чтоб судно не потонуло на глубине, велел бросить остальной якорь и верп (или якорь меньшего разбора), чтобы удержаться ими на мелком месте; велел срубить мачты, на коих незакрепленные паруса более и более сдвигали судно с места. Повторяемые удары о камень отбили руль, киль, и, наконец, нижняя часть судна начала разбиваться в щепы; бочки и прочие вещи выносило из люков или выходов наверх; судно погрузилось совсем, одна только задняя часть оставалась сверх воды. Барказ или

¹⁴⁵ «Между простым народом господствует мнение, что, переменяв перед смертью белье, он совершил свою исповедь, очистился от грехов и готов предстать чистым на суд божий».

большое судно, стоявшее наверху палубы, мгновенно было оторвано стремившимися уже через верх волнами и, оными поднимаясь, перебило многих людей, собравшихся на корме.

В сем положении, во 100 саженьях от маяка, вблизи возможного спасения, должны были они оставаться около двенадцати часов подверженными яростным волнам. Все гребные их суда и барказ оторвало, прежде нежели могли приступить к их употреблению; спастись вплавь – значило ускорить свою смерть. Никакого знака не можно было подать на маяк; пушки, порох были в воде; огня достать было невозможно; крик не помогал, и тщетны были все усилия, чтоб их услышали на маяке: рев волн, разбиваемых о каменья, окружающие маяк, и свист ветра в снасти телеграфа, стоящего при маяке, препятствовали им быть услышанными. Темнота осенней ночи, увеличиваемая снегом и светом самого маяка, препятствовала часовым с оного видеть на несколько сажен вдали. Таким образом, несчастные страдальцы принужденными нашлись, из боязни быть снесенными волнами, держаться друг за друга, оставаясь так без всякого движения, могшего их сколько-нибудь разогреть и избавить от холодной смерти. С 9 часов вечера до самого рассвета оставались они в сем положении; холод увеличился почти до 5° ; многие из них уже замерзли, многие снесены были волнами; остальные едва дышали, оцепенев от холода.

В исходе 7-го часа, лишь только можно было различать предметы, с маяка усмотрели несчастных и поспешили от-

править небольшую лодку с семью человеками. Другого судна не можно было послать по чрезмерности волнения, о камни разбивающегося. Лодка опрокинулась на камнях, и семь человек вброд едва спаслись сами; однакож, поймав лодку и исправив оную по возможности, пустились опять. Часа два или более прошло, пока лодка могла добиться до судна, так что, подъехав туда, нашли уже только двоих живыми, и то без всякого движения, с едва заметными знаками жизни; прочие поодиночке умирали прежде, нежели могли дожидаться спасения. Искав долго между мертвыми и не находя ни одного человека в живых, люди сии с великой трудностью возвратились на маяк, где, подав возможную помощь двум несчастным, к исходу только дня привели их в состоянии рассказать все обстоятельства сего пагубного случая.

Люди с судна были сняты. В числе сей команды недоставало девяти человек и одного офицера. Одни остались внизу, где старая пассажирка также окончила жизнь свою с сыном; других смыло волнами».

Из сего описания видно, что крушение брига «Фальк» последовало от течи, а течь произошла от якоря, на крамбал отданного и пробившего лапой на волнении обшивные доски. С трудом можно поверить, чтоб при нынешнем состоянии мореплавания сыскался еще морской офицер, который бы не знал, что на ходу и при волнении непременно якорь должно отдавать с рустова и крамбала¹⁴⁶ вдруг: опытные мо-

¹⁴⁶ Рустов – цепь, прихватывающая лапы якоря при его подъеме и уборке вдоль,

реплаватели во всяком случае так поступают. Человек, во-все незнакомый с морской службой, взглянув на якорь, от-данный на крамбал во время волнения или при большом хо-де, подумал бы, что это острое орудие свешено нарочно для пробития корабельного дна. В грубых ошибках по службе молодость извинить не может: для неопытных офицеров есть книги; надобно только иметь охоту ими пользоваться.

борга. Крамбал – то же, что кранбалка.

Разбитие военного корабля «Вячеслав» у берегов Швеции в 1771 году. (соч. А. С. Шишкова)

Под сим заглавием в журнале «Отечественные Записки»¹⁴⁷ напечатано описание бедствий, претерпенных одним русским линейным кораблем. Описание это, с позволения почтенного издателя ¹⁴⁸, я помещаю здесь от слова до слова, пополнив оное некоторыми моими замечаниями.

Должно признаться, что в поступках офицеров сего корабля мореплаватель немного сыщет примеров похвальных и заслуживающих подражания, а напротив того, увидит в них деяния, жалости и смеха достойные. Но как и худые примеры часто приносят молодым людям пользу, возбуждая в них большее отвращение и ненависть к пороку, то я и сие описание не считаю лишним.

«В начале 1771 года посланы мы были сухим путем под начальством кадетского капитана к городу Архангельску с тем, чтоб оттуда морем возвратиться на построенных там кораблях. Нас было с лишком 30 человек.

Мы жили в прилежащей к городу слободе, называемой

¹⁴⁷ В книжках на декабрь 1821 г., на январь и февраль 1822 г.

¹⁴⁸ Павел Петрович Свиньин.

Соломбала, в обнесенных тыном казармах. По вскрытии Двины и по спуске на воду трех шестидесятишестипушечных кораблей расписали нас по оным. Я написан был на корабль «Вячеслав».

Прежде нежели приступлю к описанию нашего путешествия, нужно читателю узнать свойства и нравы бывших на сем корабле офицеров. Начальствовавший над оным капитан 1-го ранга N был человек довольно добрый, но властолюбивый, пылкий. Второй по нем, наш кадетский капитан, также человек весьма добрый, услужливый, усердный к службе и довольно неглупый, но перед старшими себя до крайности почтительный и робкий. Два лейтенанта, из коих M. – видный собою, искусный в деле своем и дружный с кадетским капитаном; лейтенант W – человек простой; два мичмана, один констапель (артиллерийский офицер) и нас восемь человек гардемарин, да при солдатской команде капитан, человек дородный, толстый и грубый.

По нагружении кораблей мы отправились в поход иплыли по Белому морю с переменными и тихими ветрами. В один день, во время густого тумана, при бросании лота оказалось, что вдруг с глубины 25 сажен взошли на глубину 7 сажен. Устрашась сего обстоятельства, стали мы тотчас на якорь. Но как туман не прочищался и ветер делался свежее, то, опасаясь стоять тут долее и обмеря на посланных шлюпках вокруг себя глубину, подняли якорь и пошли в ту сторону, где становилось глубже. Течение моря было с нами и ветер дул нам

попутный. Мы шли несколько часов и стали опять на якорь. После полудня туман прочистился, и мы увидели, верстах в трех или четырех перед собою, крутой каменный берег. Сей грозный сосед принуждал нас удалиться от него поскорее. Но как довольно свежий ветер, дующий прямо на берег, и сильное туда же течение моря наводили нам страх, чтоб при медленности поднимания обыкновенным образом якоря не прижало нас к берегу, то рассуждали, чтоб вступить под паруса вдруг, то есть распустить и наполнить их, не поднимая якоря, и когда корабль возьмет движение, отрубить канат.

Однакож капитан был на то несогласен: ему не хотелось лишиться якоря. Он спросил, нет ли на корабле кого-нибудь из архангельских рекрут. Сыскали одного матроса. Спрашивают его, хаживал ли он по Белому морю (архангельские жители почти все рыболовы). Он отвечал: «Хаживал». – «Какой же это берег?» – «Тот, который идет от Орлова Носа». – «А где Орлов Нос?» – «Остался назади, мы его прошли». (Это сказание матроса не согласно было с нашим счислением, ибо мы по карте считали себя далеко еще не дошедшими до мыса, называемого Орлов Нос.) – «Можно ли нам сняться с якоря?» – «Можно, – отвечал он: – берег приглуб, течение хотя и бросит нас к нему, но встречное от него течение понесет нас вдоль его».

Капитан велел сниматься с якоря. Лейтенант М. представлял, что в подобных случаях не должно полагаться на

слова матроса и лучше потерять один якорь, чем подвергать корабль опасности. Однакож капитан велел немедленно сниматься. Опыт показал, что матрос говорил правду: лишь якорь отделился от дна моря, корабль, как стрела, полетел на каменный утес: мы досмерти перепугались; но чем ближе к берегу, тем быстрота его становилась меньше, отражающеся от берега течение спиралось натекающим на оное и не допускало нас к нему приблизиться. Мы успели вывертеть якорь, убрать его, наполнить паруса и направить путь свой в море. По выходе в океан и по долгом плавании, при противных ветрах, зашли мы, чтоб запастись пресной водой, в пролив между лапландским берегом и островом Кильдьюном¹⁴⁹. Остров сей необитаем. Мы нашли на нем несколько рыбацких хижин. Летом приезжают на него рыбаковы и осенью уезжают назад. Они сказывали мне, что ходят для промысла в океан и удаляются верст на сто от берега. Видя худые суда их, я спросил, как могут они на таких судах так далеко ходить: «Ну, ежели застанет буря?» – «Так что ж, – отвечали философы с холодностью: – кого застанет, тот утонет».

Я видел тут еще семидесятилетнего старика, сторожа оленей, который во всю свою жизнь, как себя запомнит, из Кильдьюна никуда не отлучался. Летом месяца три проводит он с приезжающими рыбаками, а в остальное время года живет один. Разговаривая с ним, я спросил у него: «Как же жи-

¹⁴⁹ Кильдьюн, правильно Кильдин, – остров у мурманского берега Кольского полуострова, у 34° восточной долготы.

мою, когда пролив замерзает, не боишься ты забегающих сюда волков и медведей?» – «Чего бояться, – отвечал он с уверенностью, – они меня уж знают и не тронут».

Простояв дня три в Кильдуйне, пошли мы опять в океан и продолжали путь свой. Сделались противные и крепкие ветры: мы долго с ними боролись и ничего не видали, кроме кувыркающихся китов, которые из воды выставляли хребты свои, наподобие черных холмов, и, фыркая, пускали из ноздрей высокие водометы. Мы забрались далеко к северу, так что солнце в самую полночь не заходило уже под горизонт.

После долгого времени ветры стали становиться попутнее, ночи длиннее и темнее. Мы перешли большое расстояние; миновали опасную пучину, называемую Мальштром¹⁵⁰. Я в свободные часы занимался рассматриванием разных явлений: иногда днем по целому часу смотрел в воду, которая была так прозрачна, что опустится в нее белый камушек, можно было видеть его несколько секунд, пока не погрузится он сажень на двадцать или более. Иногда любовался плавающими в ней цветами, которые показывались из-под кормы наподобие пестрых распустившихся колпаков. Прекрасный вид их, когда их поймаешь и вынешь из воды тотчас исчезал и превращался в некую оседшую неприятную слизь.

Всего же более нравилось мне по ночам сидеть на носу корабля; вода имела некое лучезарное свойство, так что обмоченная в нее вещь казалась в темноте огненной. Валы, уда-

¹⁵⁰ Мальштром (Мальстрём) – водоворот между Лофотенскими островами.

ря в нос и отражаясь от него, раздроблялись на бесчисленное множество брызг, светящихся подобно разноцветным искрам. Казалось, корабль, шествуя, сражается ежеминутно с нападающими на него исполинами, в гневе попирая их, сыплет от себя огонь и пламя.

В один день достали мы лотом дно морское: глубина была 70 сажен. Мы наехали в это время на необъятное количество сельдей. Корабль наш несколько часов, почти при совершенной тишине ветра, плыл тихо, как бы посреди их, ибо от самого верха воды до такой глубины, до какой взор при чистоте и прозрачности ее проникать мог, вся она наполнена была слоями сих рыб, и вокруг корабля, сколько зрением при ясной погоде можно было обнять, повсюду гладкая поверхность воды рябела от прикосновения их к оной.

Наконец, по долгом странствовании и по претерпении многих бурь пришли мы уже в половине октября (21 сентября) в Копенгаген, где пробыв несколько дней, спешили отправиться в путь. Мы снялись с якоря около полдня и с крепким попутным ветром в весьма темную ночь стали приближаться к острову Борнгольму. В 8 часов вечера, по означению на карте пункта (т. е. места, в котором мы себя считали), и по определении от него курса (то есть пути, которым кораблю плыть надлежало), капитан, дав о том приказание вахтенному (на страже стоящему) лейтенанту, лег спать.

Настал 10-й час – время, в которое, по соображению скорости хода, должны мы были проходить между шведским бе-

регом и островом Борнгольмом. Ветер усилился. Ход корабля был чрезвычайно быстрый – по 20 верст в час. Ночь претемная. Поставленные нарочно для смотрения на баке люди, на вопрос, часто повторяемый: не видать ли земли, ответствовали всегда: «Ничего не видать».

В сих обстоятельствах штурман берет карту, смотрит на нее, меряет и пожимает плечами. Вахтенный лейтенант подходит к нему и спрашивает: «Что ты посматриваешь на карту и пожимаешься?» Он отвечает: «Остров этот меня крепко беспокоит; курс наш по карте, конечно, хорош, ведет мимо него, но кто может положиться на точность исчисления? Притом же мрачность погоды не позволила нам ясным рассмотрением берегов хорошенько проверить оного; итак, если положить, что подлинное место наше в восемь часов было мористее (далее от шведских берегов), нежели как означенный нами на карте пункт показывает, то мы, идучи сим курсом, попадем на остров, а берега его так круты и приглубы, что при такой темноте и скорости хода не успеем мы его увидеть, как уже об него ударимся и, может быть, разобьемся в щепы».

Сомнение это устрасило лейтенанта; он говорит: «Что ж нам делать? Не разбудить ли нам капитана?» Штурман отвечает: «Капитан не поможет, потому что, полагая погрешность счисляемого пункта в одну сторону, путь сей опасен, а полагая ее в другую, перемена оного опасна; итак, капитан, не больше нашего о верности пункта известный, будет точно

в такой же нерешимости, как и мы».

Разговор сей умножал час от часу более страх их, у которого, как говорит пословица, глаза велики. Лейтенант несколько раз спрашивал: «Не сказать ли капитану?» Штурман отвечал всегда, что от того) не произойдет никакой пользы. «Мое бы мнение, – продолжал он, – не сказывая ему, спуститься немного к шведским берегам и через полчаса взять опять тот путь которым идем теперь. Таким образом, если б и была предполагаемая мною погрешность в исчислении, то мы, не дав никому того приметить, поправили бы оную и миновали бы остров». Лейтенант, по некотором колебании, согласился на его предложение. Они переменяют путь спускаются на два или на три румба к шведскому берегу, чтоб уклониться от ужасающего воображение их острова.

Не прошло десяти минут, как люди, стоящие на носу корабля, стали кричать: «Кажется, как будто земля чернеет-ся?» – «Где? – «В правой руке, перед носом». – «Вот, – вскричал обрадованный штурман, – это Борнгольм! Хорошо, что мы от него отворотили, а то бы попали прямо на него». В это самое время капитан выходит из своей каюты, ему говорят: «Борнгольм виден». Он смотрит и говорит: «У меня глаза худы, я ничего не вижу».

Через две или три минуты с носу корабля вдруг несколько голосов закричали: «Кругом видна земля!» Эти слова, всех как громом, поражают. Кадетский капитан и лейтенант М. выбегают снизу наверх. Последний из них, посмотрев на

компас и видя, что корабль лежит не на том пути, как положено было держать, закричал: «Лево руля!» Но едва он успел это произнести, как вдруг мы почувствовали такой удар, что едва могли устоять на ногах.

Корабль тотчас повернуло. Он стал боком против ветра. Паруса заполоскали. Ветер, не надувая их более, начал сильно рвать и бить их о мачту. Под кораблем было 3 сажени воды: он стоял уже дном своим на дне моря. Волны, подобные горам, то поднимали его кверху, то опускали стремительно вниз. Тяжелая громада эта, имеющая около двухсот тысяч пудов весу, с такой силою ударялась о землю, что казалось, что все члены ее мгновенно расторгнутся и рассыплются: высота и тяжесть мачт с висящими на них реями и снастями при каждом ударе наклоняла ее час от часу ниже на бок, так что напоследок верхние пушки стали доставать до воды, и на палубе невозможно было стоять, не схватясь за что-нибудь руками.

Сначала людям велели итти на мачты, чтоб убрать и закрепить паруса; они в числе около ста человек, несмотря на трудность и угрожающую им великую опасность, полезли смело и две или три минуты были уже там; но когда при повторении нескольких ударов, капитан увидел, что мачты, сами по себе высокие и тяжелые, но еще более тяжестью людей вверху обремененные, повалят корабль на бок, то велел тотчас рубить их. Время не позволяло обождать столько, чтоб дать людям сойти на низ. Мы удовольствовались только тем,

что закричали им: «Мачты рубят!». Минута гибели наступила (ибо с первым или со вторым наклоном корабля ожидали, что он повалится); надлежало ее предупредить; но как можно было в несколько секунд срубить три дерева, каждое охвата в два толщиною! В невозможности сего велели, как можно скорее с наветренной стороны перерубить только по нескольку талрепов¹⁵¹ у вант каждой мачты.

Мачты, освобожденные уже от поддерживания веревками, не переносят более стремительности наклона, и все три в один миг с ужасным треском ломаются и падают в море. Из бывших на них людей ни один не погибает: все они с удивительным проворством успели по висячим веревкам спуститься вниз.

Облегченный от мачт корабль перестало валять с боку на бок, но продолжало приподнимать валами и стучать о землю. Темнота ночи не позволила нам осмотреть, где мы и на какую мель сели. В опасении, чтоб корабль, двигаясь по дну моря, не насунулся на такой величины камень, который мог его проломить, положили мы якорь. Вскоре руль выбило, многие наружные доски или пояса, называемые обшивкою, отдрало, и в корабле показалась течь, так что накопляющуюся в него воду едва всеми помпами могли отливать.

Состояние наше после срубления мачт сделалось бездейственное, но тем более ужасное. Сильные удары потряса-

¹⁵¹ Талреп – веревочная снасть, которой стягиваются блоки на бортах судна для прикрепления вант.

ли все члены корабля. Каждый час угрожал гибелью. Люди, приготавливаясь к смерти, надевали на себя белые рубашки. Между тем шум моря, скрип членов корабля, унылый свист ветра вокруг обломков мачт и пушечные, для призвания помощи ежеминутно производимые выстрелы напоминали беспрестанно, что мы гибнем и нет спасения.

Посреди сей общей горести и плача всех бодрее, всех веселее был между нами констапель N, человек молодой, статный собою и хороший мне приятель. Он с распущенными волосами бегал по кораблю и поминутно кричал: «Пали!» Часто подходил ко мне, шутил, смеялся и, утешая меня, говорил: «Не бойся, я сделаю, что нас услышат и подадут нам помощь».

Наконец, после ужасных часов бесконечной ночи рассветает день. Мы видим себя в двух или менее верстах подле шведского берега. Мнимый остров Борнгольм был мыс сего берега. Погрешность в счислении действительно оказалась, но только с той еще ошибкою, что штурман полагал настоящее место корабля далее от берегов, нежели счисляемый на карте пункт, а оно, напротив того, было ближе, а потому для избежания опасности надлежало бы не от Борнгольма к ним, но от них к Борнгольму придержаться, то есть сделать противное тому, что мы, по несчастию, сделали¹⁵².

¹⁵² Если корабль, приближаясь ночью к берегам, до того запутается в счислении, что не будет знать своего места, в таком случае благоразумие заставляет лечь в дрейф и дожидаться рассвета: ибо лучше потерять ночь хода, чем подвергать себя гибели.

Настало утро. Мы узнали место пребывания своего, но положение наше нимало не сделалось через то лучше. Ветер дул тот же и столь же крепкий. Сила ударов не уменьшалась. Корабль наш приходил в худшее состояние, и сокрушение оно становилось через несколько часов неминуемым. Внутри оно царствовали смятение и страх. Капитан заперся в каюте и не выходил из нее. Лейтенант W был почти в исступлении ума. Он лежал в постеле своей и беспрестанно повторял: «Я виноват. Я погубил».

Оставались действующими лицами кадетский капитан и лейтенант M., которые оба, а особливо первый из них, сохранили в себе отличное присутствие духа и не переставали обо всем пещись. Капитан, созвал к себе офицеров, урядников и несколько человек из старших матросов для совета (консилиума), на котором положено было следующее: «Как нет никакой надежды к спасению корабля (ибо он при столь сильных ударах через несколько часов должен сокрушиться), то остается только помышлять о спасении людей; для сего приступить немедленно к выпусканию каната, дабы сила ветра могла беспрепятственно двигать корабль ближе к берегу. Но как, вероятно, глубина станет по мере того уменьшаться и корабль остановится, в таком случае стараться всеми средствами облегчать его, а именно: сталкивать и выбрасывать пушки и все большие тяжести в воду, рубить помосты, пояса, доски, связывая их веревками вместе, дабы в то время, когда корабль погибать начнет, люди на сих плотках могли спа-

саться».

Тотчас приступают к исполнению того, что положено в совете. Сперва хотят столкнуть за борт несколько пушек, но лейтенант М. возражает против сего, представляя опасность, что корабль о самые сии пушки, когда они упадут подле него на дно моря, может быть проломлен. И так отступают от сего намерения и велят только выпускать канат. Корабль, не удерживаемый более якорем и после всякого удара подъемлемый волной, сходит с места своего и силою ветра двигается по земле. Едва перешел он 40 или 50 сажен, как меряющий на корме глубину подштурман закричал: «Воды под кораблем три с половиной сажени!» Слова сии произвели неопи-санную радость. «Полсажени прибавилось!» повторили все. Вскоре потом закричал он опять: «Четыре сажени!», и вслед затем опять: «Четыре с половиной сажени!» Каждое восклицание было как бы некий благодатный глас, отсрочивающий нашу погибель. Все закричали тотчас: «Положить якорь! Положить якорь!»

Действительно, якорь в ту же минуту был брошен, и корабль, став на вольной воде, перестал ударяться о землю. Восторг наш в первые минуты был чрезвычайный: мы обнимались, целовались, плакали от радости, поздравляли друг друга, но вскоре оный весьма уменьшился. Размышление, что мы без мачт, без руля, что корабль наш течет, что, вероятно, глубина эта есть небольшая, окруженная мелью яма, из которой нам нельзя будет выйти, что, может быть, якорь

нас не удержит или что ветер, сделавшись с другой стороны, поворотит корабль и кинет опять на ту мель, с которой он сошел, — все сии размышления снова погрузили нас в уныние, и наступающая ночь казалась нам столь же страшной, как и прошедшая.

Между тем мы с великим трудом успели спустить шлюпку, с тем чтоб отправить ее на берег для требования помощи. На ней посылался констапель и при нем два человека солдат с унтер-офицером. Я в это время был внизу корабля в моей каюте. Констапель прибегает ко мне и с восхищением говорит: «Знаешь ли что? Меня посылают на берег. Поедем со мною: здесь опасно оставаться, а там мы будем спокойны. Хочешь ли, я скажу капитану, что ты мне надобен?»

Я согласился, и мы пошли вместе, но лишь приходим мы к дверям капитанской каюты, как вдруг не знаю отчего родившийся во мне страх переменяет во мне мысли. Я останавливаю констапеля и усиленно прошу его: «Ради бога! Не говори обо мне капитану: я не хочу ехать». Он удивляется, спрашивает меня: «Что с тобою сделалось?» Просит, убеждает, говорит: «Эй, ты будешь жалеть о том, да уж поздно. Через пять минут мы будем на берегу». Но все слова его были тщетны: я стоял упорно в моем намерении и просил его убедительно не упоминать имени моего перед капитаном.

Он вошел в каюту и, получив приказание, вышел оттуда, чтоб сесть в шлюпку, которая стояла уже у борта совсем готовой. Мы заметили в нем великую перемену: он был сму-

тен, обыкновенная веселость его исчезла, слезы катились по лицу. При сходе с корабля на шлюпку, сказал он: «Прощайте, братцы! Я первый еду на смерть», и шлюпка отвалила, распустила паруса, понеслась птицей по морю, ныряет между валами; мы провожаем ее глазами и, наконец, видим, что, подходя к берегу, опрокидывается. Тут бросился я в свою каюту, затворился в ней. Потом лег в постель. Печальное воображение о приятеле моем, несчастном констапеле, долго меня тревожило, пока напоследок усталость и проведенные в страхе и беспокойстве ночь и утро погрузили меня в крепкий сон...

Но сон мой недолго продолжался; вдруг будят меня с торпливостью и говорят: «Капитан спрашивает, скорее». Я испугавшись и спросонку вскочил и бегу, как был, в тулупе. Вижу, что уже смеркалось; нахожу на борте много людей, смотревших на лодку с двумя человеками, держащуюся в некотором отдалении от корабля. Капитан приказывает мне расспросить у них, откуда они и кто их прислал. (Надобно знать, что на всем корабле не было никого, выключая констапеля и меня, кто бы на каком-либо другом языке, кроме русского, умел говорить¹⁵³.) Я спрашиваю, они худым немецким

¹⁵³ Иностранцы, путешествовавшие по России, давно заметили, что у нас все лучшего состояния люди знают разные чужие языки и между собою даже не иначе хотят говорить, как по-французски. Но как бы они удивились, если б узнали, что из всех офицеров и гардемарин линейного корабля только двое могли объясняться с иностранцами! К чести нынешних морских офицеров надобно сказать, что они более прежних стараются выучивать как чужие языки, так и сло-

языком отвечают, что послал их некто господин Салдерн из города Истада¹⁵⁴ для проведения о нашем корабле.

Капитан велел их звать на корабль, однакож они на то не согласились, отзываясь, что по причине ночи и крепчающего ветра не могут долее оставаться; в самом же деле казалось, что они, считая нас в крайности, опасались, чтоб мы не завладели их лодкой. Насилу, по великой просьбе и убеждениям, чтоб взяли от нас с собою человека, пристали они, и то не к борту, а к висячей с кормы веревочной лестнице, и притом требуя, чтоб посылаемый ту же минуту сошел, или они отвалят и уедут. Капитан, оборотясь ко мне, приказывает, чтоб я тотчас по сей лестнице спустился к ним в лодку и ехал с ними.

Это неожиданное приказание и скорость времени, с какой надлежало оное исполнить, так меня поразили, что я, как бы обезумленный, не знал, что со мною делается, и не

весность своего собственного и некоторые из них занимаются с успехом полезными переводами и сочинениями. И действительно, ничто так не нужно морскому офицеру в чужом порте, как знание иностранных языков. Сколь неприятно и тягостно должно быть для начальника корабля или эскадры, находящейся за границей, как в сношениях его с разными державами, так и в частных обществах с иностранцами употреблять беспрестанно переводчиков. Когда один адмирал пенял (1799 г.) главнокомандующему английского флота, что он не сообщил ему тайной цели некоторых военных приготовлений, о которых знать адмирал имел право, англичанин извинялся тем, что он не мог иначе с ним говорить, как посредством молодых офицеров, его переводчиков, которым он опасался вверить тайну столь великой важности. Но незнание во-время сей тайны наделало адмиралу много хлопот.

¹⁵⁴ Истад (Istad) – в южной Швеции, восточнее Мальма.

прежде опомнился, как уже в некотором расстоянии от корабля. Обезображенный вид оно и горящие на нем огни привели мне на память, что я уже не на нем больше, не с товарищами вместе, но один, на малой лодке посреди бурного моря.

Мы плыли не прямо на берег, куда послана была наша погибшая шлюпка: опасность от буруна¹⁵⁵ не позволяла нам туда ехать, а держали в небольшой городок, называемый Истад. Он лежал верстах в десяти от корабля. Мы должны были плыть против ветра, против валов, которые в темноте, как бы некие мрачные горы, бежали поглотить щепку, на коей мы сидели; но, казалось, довольствовались только тем, что пенящимися вершинами своими с яростью на нее брызгали. Однакож и одни эти брызги были небезопасны: вода накоплялась от них в лодке, так что из двух бывших на ней человек, один только греб веслами, а другой беспрестанно выливал воду.

В страхе, чтоб нас не залило, сел я в самый нос лодки, чтобы спиною своей сколько-нибудь удерживать летящие с волн брызги. Состояние мое было со всех сторон жалкое: я был в одном тулупе (как встал с постели); не знаю, кто сунул мне в руки матросскую шляпу, ибо и той у меня в ту минуту, как вдруг меня послали, не было, и время не позволило

¹⁵⁵ Сим именем называется волнение, производимое сильным ветром, дующим с моря. Бурун бывает также и при безветрии на открытых берегах, где есть прилив.

взять. Я не имел с собою ни полушки денег, ни куска хлеба; не знал, с кем, куда и зачем еду, ибо не сказано мне было ни одного слова, кроме сего: «Ступай, ступай скорее».

Плавание наше продолжалось с лишком восемь часов. Во все это время холодный осенний ветер дул в меня, обмоченного с ног до головы так, что не осталось на мне ни одной сухой нитки.

Мы приехали в город часу в третьем пополуночи. Я вышел из лодки, как сонный, почти без памяти. Матросы мои привели меня в какой-то дом; подали огня, разбудили хозяина. Он вышел ко мне и стал со мною говорить; но я не мог отвечать ни слова: язык мой не ворочался и был деревянный. Хозяин велел подать мне рюмку вина; я выпил. Он начинает опять со мною говорить, но, видя, что я ничего не отвечаю, оставляет меня одного и уходит. Я не знаю сам, что делаю, иду вон из горницы, схожу с низкого крыльца и, отойдя сажень двадцать, останавливаюсь. Память возвращается ко мне, и я, думая, куда я иду, осматриваюсь кругом, а в темноте ничего не вижу. Хочу итти назад, но не могу вспомнить, с которой стороны я пришел на это место. В этом недоумении прихожу я в отчаяние: ноги мои подкашиваются подо мною, я невольно сажусь на землю и теряю совершенно всякое понятие и память.

По долгом некоем забытьи, с отменной легкостью и свободою чувств, открываю глаза: вижу свет, вижу, что я в какой-то избушке лежу раздетый на соломенной постели, меж-

ду двумя какими-то незнакомыми мне человеками, которые подле меня крепко спят. Протираю глаза, не верю сам себе; думаю, что это мне видится во сне. Но между тем чувствую в себе новые силы, новую бодрость, свежесть и веселие.

Напоследок хозяева мои просыпаются, и я узнаю от них, что они те самые матросы, которые привезли меня на лодке (ибо я до сего времени лиц их не видал за темнотою). Они, возвращаясь домой из того дома, куда меня проводили, нечаянно наткнулись на меня, сидящего согнувшись на улице, и, видя, что я в беспамятстве, подняли меня, отвели, или, лучше сказать, отнесли в свою хижину, раздели, разули и положили между собою в постель, где я, успокоенный, обсохший и согретый, сладко уснул.

Не имея чем возблагодарить сих добрых людей, я только обнимал их и целовал. Тут я обулся, надел на себя едва просохший и весь оскорузлый мой тулуп и просил их отвести меня к тому господину Салдерну, у которого мы были прошедшую ночь. Я объяснил ему причину, по которой за несколько часов перед сим не мог ему на вопросы его отвечать; просил, чтоб он подал кораблю нашему помощь.

Он сказал мне: «Я здесь человек заезжий, случайно остановившийся и не имеющий никакой власти над городом; брат мой родной находился в вашей службе и потому, принимая в вас участие и услышав о бедствии русского корабля, нанял я лодку и послал о том проведать. Здесь начальствует бургомистр; сходите к нему и требуйте от него помощи; но

советую вам не говорить, что вы в крайней опасности, для того, что эти люди, в ожидании добычи, обыкновенно при разбитии судов получаемой, не станут вам охотно помогать».

С сим сделанным мне наставлением пошел я к бургомистру, но не знал сам хорошенько, каких пособий мне от него требовать. Отъезд мой с корабля был с такой поспешностью, что капитан не успел ничего мне приказать¹⁵⁶. Идучи дорогой, размышляя я о сем. Первое представлялось мне само-нужнейшим – истребовать лоцманов, которые бы взялись проводить (буде можно) корабль в безопасное место; второе, у нас было много больных, а именно более ста человек, и потому казалось мне нужным послать на корабль несколько лодок, которые бы всех их свезли на берег.

С сими мыслями пришел я к бургомистру. Он принял меня ласково, охотно выслушал мою просьбу и тотчас отправил на корабль двух лоцманов и десять или более лодок.

По счастью, ветер сделался тише, и все больные в тот же день свезены были на берег к тому месту, куда послана была наша шлюпка. Бургомистр пригласил меня у него отобедать, чему я был очень рад, потому что крепко проголодался и, не имея денег, не имел надежды что-нибудь поесть. За столом он много разговаривал со мной (разумеется, по-немецки) и, казалось, меня любил.

¹⁵⁶ Все подобные сему неслыханные беспорядки должно относить к старым временам, но ныне едва ли случиться может, чтоб начальник, отправляя куда-нибудь своего подчиненного, позабыл сказать ему, зачем он его посылает.

После обеда был я в великом затруднении, где ночевать. Отыскал одну маленькую гостиницу (трактир), но хозяин не хотел меня пустить, отговариваясь, что он не принимает более никаких постояльцев; в самом же деле (как он после сам мне признался) опасался имени русского, которое со времен Петра Великого не переставало у них быть страшным. Наконец, дал мне комнату и постель.

Я ночевал спокойно и, поутру проснувшись, узнал, что ночью ветер скрепчал так, что лодки не могли более ходить по морю и всякое сообщение между берегом и кораблем преклось. Зная, что на том месте (ибо в бытность мою на корабле я оное видел), куда свезены больные, нет никакого строения, кроме одной малой избушки, и воображая, что они должны лежать на открытом воздухе, пришел я о них в сожаление. Я захотел их увидеть. Как ни трудно казалось мне идти туда и назад пешком (ибо месте это находилось верстах в восьми от города), однакож я пошел. Дующий с моря бурный ветер, сырая погода и непротопанная по песчаным буграм дорога весьма меня утомляли; а печальный вид стоящего вдали корабля нашего и воображение, что иду туда, где шлюпка наша погибла, наводили на меня уныние.

По приходе же моем представилось мне плачевное зрелище: больные, с лишком сто человек, лежали на берегу, ничем от ветра не закрытые, без пищи, без одежды, без всякого призрения. По свозе их с корабля ветер вдруг сделался крепок, так что ничего для них свезти не могли, даже и сам

лекарь не успел съехать. Они, увидя меня, все застонали и стали жаловаться, что умирают от холода и голода.

Второе зрелище было еще плачевнее. Неподалеку от страдающих больных лежали выкинутые со шлюпки тела, из коих иные были столь обезображены, что на лицах не видно было ни глаз, ни носа: так волнами разбило их о шлюпку. Между ними лежал и приятель мой, констапель.

Пролив о нем слезы, я возблагодарил бога за чудесное спасение меня от одинакой с ними участи. Мы вырыли в песке яму и похоронили сослуживцев.

С опрокинутой шлюпки из тринадцати человек избавилось от смерти только два гребца. Один из них рассказал мне, как он спасся: «Когда шлюпку опрокинуло, – говорил он, – я, умея хорошо плавать, хотел бороться с волнами, но вдруг почувствовал, что кто-то тянет меня на дно; это был сидевший подле меня унтер-офицер, который так крепко за меня уцепился, что я никак оторваться от него не мог, пока он сам потерял чувство и меня привел в такое же состояние. Я, уже не помня, что со мною происходило, почувствовался на берегу подле камня; волна, выбросившая меня, набежала опять, покрыла меня снова и, стекая с берега, силилась увлечь с собою. Я схватился за камень и когда увидел себя опять на суше, то спешил скорее всползти на берег, и хотя волна еще раз догнала меня, однако была уже так слаба, что не могла стащить меня с места, и я от нее ушел».

Выслушав повествование матроса и видя, что уже день

клонится к вечеру, я спешил возвратиться в город, обнадежив больных, что приложу о них всевозможное попечение.

Несмотря на чрезвычайную усталость, я пришел прямо к бургомистру. Первое мое движение было броситься к нему на шею и просить о сохранении жизни многим несчастным.

Бургомистр долго сомневался, отговаривался, колебался, однако, наконец, смягченный неотступной моей просьбой, а особливо уверениями, что такое его благодеяние сделает имя его известным в России, дал мне слово и спросил, какую помощь им подать. Я отвечал: 1) отвести дом, который бы не тесен, чист и тепел был; 2) купить хлеба, зелени, свежего мяса и приказать изготовить для них пищу; 3) приставить одного или двух лекарей, которые бы за ними ходили и лекарство им прописывали; 4) напоследок, послать столько подвод, чтоб всех больных одним разом забрать и привезти. Все это исполнено было в точности. Бургомистр пошел сам со мною. Дом отвели, вычистили, протопили, постлали соломенные постели и стали стряпать кушанья. Привели двадцать подвод, пришли два лекаря, и я вместе с ними отправился туда на телеге. Солдатский капитан, велел класть и сажать больных на подводы. Все они, как хворые, так и здоровые, чрезвычайно были обрадованы.

Мы приехали в город, когда уже смеркалось. Освещенный дом, теплые покои, свежая пища, после столь долгого мрака, холода, изнурения и отчаяния, всех их так оживили, что у самых слабых и почти без движения лежавших написана

была на лице радость. Я так утомился, что как скоро пришел домой, то кинулся в постель и ту же минуту заснул крепким сном.

На другой день ветер стал тише. Я нанял лодку и поехал на корабль, чтоб донести капитану о всем происходившем, и нашел там всех в радости: корабль перетянулся; лоцманы вывели его далее на море, на глубину 15 сажен. Он был вне опасности в рассуждении мелей, но оставалось еще великое сомнение в его спасении. Гавань в Истаде была так мелка, что он не мог в нее войти, а к походу был безнадежен.

Однакож нечего было делать, надлежало помышлять о походе; положили итти в ближайший шведский город Карлсгамн¹⁵⁷, имеющий хорошую гавань и отстоящий от Истада верст шестьдесят или семьдесят. Но как корабль чрезвычайно тек и опасно было, чтоб на море при умножении течи он не утонул, то рассудили нанять находившиеся на тот раз в истадской гавани два купеческих судна, с тем чтоб оные провожали корабль, и если случится, что он будет тонуть, то старались бы спасти с него людей.

В сем намерении капитан послал меня опять на берег с приказанием привезти ему ответ, пожелают ли корабельщики (шкипера) тех двух судов наняться и чего будут просить. Я съездил на берег, переговорил с ними и, возвратясь, донес, что они соглашаются, но меньше трех тысяч рублей не берут. Капитан послал меня опять и велел давать две тысячи. Ко-

¹⁵⁷ Карлсхамн – в южной Швеции, между Карлскруной и Кристианстадом.

рабельщики отвечали мне, что они получили письма, по которым нужно им итти в свой путь, и что потому не могут они теперь и той цены взять, какую просили, а если хотят нанять их, то заплатили бы четыре тысячи рублей, и то с тем, чтоб через сутки дать им решительный ответ.

С сим известием поехал я опять на корабль. Надобность принудила капитана дать просимую ими цену, но как на корабле столько наличных денег не было, то надлежало занять их и с корабельщиками сделать письменный договор. Капитан велел мне отправиться на берег и все это как можно скорее привести к окончанию. Я приехал к приятелю моему бургомистру (ибо он меня очень любил, и я у него всякий день обедал). Заем денег требовал некоторого времени, потому что один бургомистр без собрания магистрата сделать сего не мог. Написать договор я не умел, не только на немецком, ниже на русском языке, и так это весьма меня затрудняло.

Бургомистр вступился в мои хлопоты, сочинил договор, который я перевел потом на русский язык. В нем сказано было, что половинное число денег (то есть две тысячи рублей) вручить корабельщикам на месте, а другую половину, «заявя о том бургомистру», заплатить по прибытии в Карлсгамн; они же с своей стороны обязываются тотчас, как скоро на корабле сделан будет условный знак, забрать на суда свои наших больных, притти к кораблю и во время путешествия его итти с ним вместе до Карлсгамна, не отлучаясь от него и держась всегда ближе, чтобы в случае несчастья можно было

с корабля свезти на них людей, о спасении которых должны они прилагать всевозможное старание.

Корабельщики согласны были на эти условия, и так осталось только им и капитану подписать их. Я поехал с ними на корабль. Капитан и они подписали договор, написанный на немецком языке с русским переводом. Капитан послал меня еще раз на берег, с тем чтобы занять в магистрате половинное число денег (две тысячи рублей) и отдать им при бургомистре, заявляя ему, что остальные две тысячи заплачены будут по прибытии в Карлсгамн. Все это было сделано, и я, простясь с бургомистром и благодаря его за все ко мне ласки, поехал на корабль, не имея никакой более надобности возвращаться на берег.

Корабль между тем приготавливался к походу. На обломки мачт поставлены были запасные стеньги (тонкие мачты) с поднятыми на них реями и парусами; вместо руля приделан был искусственный, каким по нужде заменяют иногда настоящий. Оставалось докончить еще некоторые работы и ожидать благополучного ветра. Все больше устрашало нас позднее время (ибо тогда был уже ноябрь).

Первый мой съезд с корабля, трудная ходьба пешком, нередко ночью и в сырую погоду по песчаному берегу, частые и далекие в глубокую осень по открытому морю переезды с корабля на берег и беспрестанные заботы и хлопоты оказали напоследок действия свои: я занемог и в последнее возвращение мое на корабль чувствовал уже такой жар, что

по приезде принужден был тотчас лечь в постель.

На другой день стало мне еще хуже. Корабль был уже совсем готов; вдруг слышу я превеликую радость, кричат: «Ветер переменился! Ветер сделался благополучный!». Подняли тотчас знак, чтоб нанятые суда шли к кораблю. Ожидают их с нетерпением (ибо вся надежда спасения состояла в попутном ветре и потому крайне опасались, чтоб его не упустить). Проходит час, другой и третий – суда нейдут. Палят из пушек; дают им знать, чтоб они шли немедленно. Нет, не появляются. Наступает вечер; не знаем, что думать. Радость наша превращается в непонятное и грустное удивление.

Ночь проходит в беспокойстве. Поутру, с рассветом дня, поднимают опять знак и возобновляют пальбу из пушек: нет, суда нейдут.

Капитан велел спустить шлюпку и сказать мне, чтоб я ехал на берег узнать о причине сей медленности судов. Я отвечаю ему, что я не в состоянии, лежу в постеле, и не могу встать на ноги. Он велел мне повторить, что необходимость требует того, и прислал людей поднять меня с постели и отнести на руках. Люди подняли меня, принесли к борту, подвязали веревками и опустили на шлюпку.

По прибытии в город два человека отнесли меня к бургомистру. Он удивился моему приезду и весьма обо мне сожалел; посадили меня в кресла, обложили подушками, и я пересказал ему, зачем прислан. Он велел позвать к себе корабельщиков, и по объяснении вышло следующее недоразуме-

ние. В договоре, в условии, о деньгах, поставлено было слово *deponieren*, которое я, не разумея хорошенько, перевел: «заявить бургомистру», а надлежало перевести: «положить за руку». Я понимал так, что остальные две тысячи рублей заплатить дом в Карлсгамне, заявя только или сказав о том бургомистру, что оные еще не заплачены; а корабельщики понимали и требовали, чтоб эти! две тысячи оставить в залог у бургомистра, и как оные не были оставлены, то суда и не шли, ожидая наперед выполнения договора.

Это обстоятельство чрезвычайно меня растревожило. Поправить оное требовалось, по крайней мере, еще двоих суток, ибо надлежало привезть от капитана прошение о займе сих двух тысяч; должно было собраться магистрату и сделать свое определение, между тем как корабль всякий час благополучного ветра упускал со страхом, и состояние мое было такое, что мне от часу становилось хуже. Я просил бургомистра уговорить корабельщиков, что это равно, здесь ли оставить за руками деньги или там заплатить; что ошибка в переводе вышла от моего недоразумения слова *deponieren*, но что сия ошибка не делает для них никакой разности; напротив, они еще скорее получают свои деньги.

Бургомистр всячески их уговаривал, но они, сидя с важностью и куря табак, не хотели согласиться. Спор наш долго продолжался и приводил меня в крайнее беспокойство. Напоследок, по истощении всех моих просьб и убеждений, вышед из терпения, сказал я бургомистру: это стыдно для

шведов не верить русскому военному кораблю в двух тысячах рублях. Если господа корабельщики сомневаются в получении оных, то я отдаю им себя в залог; я остаюсь здесь, покуда они получают свои деньги; и если б капитан не заплатил им и правительство наше не удовлетворило их (чему никак статья невозможно), то отец мой, русский дворянин и достаточный человек, меня выкупит. Эти слова, произнесенные мною с жаром и досадой, поколебали суровую холодность корабельщиков. Они взглянули друг на друга, встали, походили по горнице, пробормотали нечто между собою и потом подошли сказать, что они соглашаются. Между тем настал вечер; я взял с них слово, что они при первом рассвете дня заберут больных и, нимало не мешкая, выйдут из гавани.

Оконча таким образом мое посольство, велел я отнести себя на шлюпку, в намерении, невзирая на темноту ночи, ехать на корабль (ибо огонь на нем был виден), но ветер так скрепчал, что бывшие в гавани лодочники не советовали мне пускаться. И так я принужден был ночевать у них в будке. Как скоро стало рассветать, тотчас поехал, и лишь только успели меня поднять на корабль, как и суда вслед за мною вышли из гавани. Корабль по приближении их снялся с якоря и отправился в путь.

Плавание наше продолжалось несколько дней, потому что попутный ветер не долго нам служил и не скоро сделался опять благополучен. В это время болезнь моя до того усили-

лась, что я в выздоровлении моем был отчаян. Воображение, что мы не успеем дойти до берега и что меня зашьют в дерюгу и бросят с камнем в воду (обыкновенное в море погребение мертвых), меня ужасало. Горячка моя была такого рода, что спирающаяся в груди мокрота меня душила, и чем легче было днем, тем тяжелее становилось к вечеру, так что всякую ночь проводил я в беспамятстве, в мечтаниях и бреду.

По несчастию, за два года перед сим был я болен в кадетской больнице, и подле моей кровати лежал товарищ мой кадет, точно в такой горячке, какую в это время примечал я в себе. Он на моих глазах умер, и подлекарь, бывший тогда при нас, почти при самом начале его болезни предугадал смерть его, сказывая, что он болен такой горячкой, от которой редко выздоравливают. Эта мысль, как скоро я приходил в память, не переставала мне мечтаться и приводить меня в уныние.

В одно утро, после весьма тяжелой ночи, стало мне отменно легко, и это привело меня в крайнюю робость: я почти несомненно уверился, что будущую ночь не переживу.

За мною ходил старик-матрос. Поправляя у меня изголовье и тужа обо мне, он шепнул мне с усердием на ухо: «Батюшко! Позволь мне положить нечто к тебе под головы; авось тебе будет легче». Я спросил: «Что такое?» Он промолчал и сунул мне под подушку какую-то маленькую рукописную тетрадку. Удары в колокол для возвещения полдня напомнили мне о приближении тех часов, в которые обыкновенно становилось мне тяжелее, и я начинал забываться и

терять память. Это напоминание как бы твердило мне: вот уже не больше двух часов остается тебе размышлять, и если ты теперь ничего не придумаешь, то жизнь твоя кончится.

Вдруг посреди сего мучительного страха и недоумения представляется мне странная мысль: я чувствовал превеликое отвращение к чаю, а особенно, когда уже он несколько остынет; самое это отвращение рождает во мне желание попросить того, что столько мне противно. Я говорю старику-матросу моему: «Принеси мне стакан теплой воды». Лишь только парной запах воды коснулся моему обонянию, как вдруг вся внутренность моя поворотилась, и я не знал более, что со мною делается.

Я не прежде очувствовался, как через несколько часов. Слабость моя была так велика, что я ни одним членом моим пошевелинуться не мог. Однакож некое внутреннее спокойствие и тишина уверяли меня в великой происшедшей со мною перемене. Старик мой рассказал мне, что никакое сильное рвотное не могло бы произвести того действия, какое произвело во мне одно простое поднесение ко рту стакана теплой воды. Силы мои стали от часу прибавляться; я ночью уснул и поутру мог уже сам ворочаться, а потом и вставать.

Тут скоро пришли мы в Карлсгамн. Нам отвели дом, в котором внизу жил сам хозяин, вверху, в одной половине, кадетский капитан с лейтенантом М., а в другой все мы гардемарины, в двух смежных комнатах. Когда я съехал с кораб-

ля и, пришед в теплый покой, сел подле печки, которая топилась, то мне казалось, что нет никого благополучнее меня на свете, так теплота, здравие и покой драгоценны тому, кто давно ими не наслаждался.

Через несколько дней я совсем оправился и мог ходить со двора.

Из Стокгольма, от посланника нашего Остермана, пришло повеление всех нас, гардемарин, отправить с капитаном для продолжения наук в Карлскрону, шведский город и главный корабельный порт, где находился шведский кадетский корпус. Дня через три по получении повеления мы отправились.

Корабль наш между тем исправлялся; на нем ставили новые мачты к подводили новый киль¹⁵⁸, потому что старый от сильных ударов о землю весь истерся. Удивительно было видеть в нем превеликие брусья так измятыми, как мочалы, и железные, толще руки, болты так между собою перевившимися, как склокоченные волосы.

Наконец корабль был готов: наступило время отправиться в Россию. Плавание наше недолго продолжалось.

Мы пришли в Кронштадт, куда уже морской кадетский корпус, после бывшего пожара, переведен был из Петербурга».

¹⁵⁸ Самый нижний брус под кораблем, простирающийся во всю длину его, толстый, составленный из многих брусьев, скрепленных между собою толстыми железными болтами.

Какой хороший офицер пожелает служить на корабле, таким образом управляемом, как управлялся корабль «Вячеслав»? Оставляя уже без внимания ежеминутную опасность, коей подвергались корабль и экипаж его от беспорядочных поступков капитана, даже самая честь каждого из офицеров с благородными чувствами от них страдала. Если б собственный рапорт капитана¹⁵⁹ и письменное признание¹⁶⁰ офицеров, тайным образом курс переменивших, не подтверждали помещенного здесь описания бедствий, с вышеупомянутым кораблем случившихся, в важнейших их происшествиях, то можно было бы даже усомниться в справедливости его. Кто бы поверил, что капитан военного корабля, идущего в темную осеннюю ночь в крепкий ветер, по 8 миль в час и приближающегося к берегам, пошел в свою каюту покойно спать, и тогда, когда верность корабельного счисления подвержена была большому сомнению?¹⁶¹ Что вахтенный лейтенант и штурман решились сами собою переменить курс¹⁶²?

¹⁵⁹ Рапорт в государственную Адмиралтейств-коллегию, записанный в корабельном протоколе под № 234, 18 октября. (Прим. В. М. Г.)

¹⁶⁰ Признание, сделанное на бумаге лейтенантом и штурманом в перемене курса без ведома капитанского; оно отправлено в Адмиралтейскую коллегию и находится в ее архиве. (Прим. В. М. Г.)

¹⁶¹ Морского устава в книге 3. главе 1, § 14, строго предписано капитану наблюдать осторожность в ходу.

¹⁶² Морского устава книга 3. глава IV, § 9. «Не может (лейтенант) переменить курса, или корабль поворотить на другой борт без доклада капитанского, под лишением чина».

Что когда корабль стал на мель, то капитан, вместо того чтоб употреблять все средства к спасению его и экипажа, заперся в каюту? И что, наконец, капитан решился послать на чужеземный берег с просьбою о помощи гардемарина в тулупе, не сказав ему, к кому и зачем он его посылает; а тот поехал и сам не ведая для чего? Самый призыв матросов на совет¹⁶³ унижает не только офицеров, но и самую службу. Такого рода «мирские сходки» могут быть терпимы только на купеческих судах. А притом какую пользу капитан думал из того извлечь? Если он хотел посредством их оправдать свои меры перед военным судом, сославшись на согласие матросов, какие законы давали ему право надеяться, что оно должно быть принято в уважение?

Мне кажется, одна из важнейших обязанностей начальника состоит в том, чтоб всякого из подчиненных держать в месте, предназначенном ему законами: никого без причины и формального отрешения не унижать и никого по каким-либо видам и связям не возвышать.

¹⁶³ Из рапорта капитанского видно, что «рядовые» были призваны в совет во всех случаях, как-то: они решили, что нужно срубить мачты, отдаваться далее на мель по канату и пр. (Прим. В. М. Г.)